

Страна Айгуль

РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА В ШЕСТИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Посторонний человек, без возраста.

Айгуль, 16 лет.

Ягафар Муратшин, 55 лет.

Зульхабира, 35 лет.

Синьор Карло Пиккио, 50 лет.

Ричард Галин, сверстник Айгуль.

Ильдар, 25 лет.

Милавша, невеста Ильдара.

Юзем, мать Милавши.

Кадирия Ябагаев, 60 лет.

Залифа

Гульсара

Банат

Минлекай

} бывшие подруги Зульхабиры.

ПРОЛОГ

Посторонний человек выходит на авансцену.

Посторонний человек. Я — посторонний человек! Автор пьесы в перечне действующих лиц не удосужился предоставить мне имя. Лишь обронил мимоходом, кивнув на меня: «посторонний человек!» Я не в обиде. Он был долон внимания к тем, кто имел прямое отношение к событию, — а кто я? Посторонний, иными словами — человек со стороны, то есть попросту — чужой. Так ведется искони: люди, пока не встретятся, пока не породнятся, они чужие друг для друга, сторонние, а бывает, что остаются таковыми и после того, как сблизилась. Непоспешимы их чувства и замыслы. Я вправе сказать: «Мое дело — сторона», но я всем людям желаю добра и поэтому говорю: «Да осилит дорогу идущий, да вернется без вести пропавший, а те, кто расстались против собственной воли, встретятся вновь!» А люди всегда в дороге! Всегда к чему-то стремятся! К чему? Конечно,

к лучшему! Кто осудит их за то, что ищут они счастье, удачу, любовь? Ищут в мире, где не падают их печали и сама смерть. Но пуще всего люди ищут самих себя! Да-да, самих себя! Или находят, или не могут найти, или, что грустнее всего, отыскав себя, теряют вскоре. Понимаю, сочувствую, жалею, сострадаю, но не могу помочь — я человек посторонний.

Поблизости раздается птичий щебет.

(Прислушивается.) Не только люди, но и птицы ищут друг друга. Окликают, зовут. Прислушайтесь! Словно свистит одна другой: «Отзовись! Отзовись! Отзовись!» Понимаю, сочувствую, жалею, сострадаю, но... *(Разводит руками.)*

Вдалеке на вершине горы слышится голос Айгуль: «Кто ты? Я — Айгу-уль! Айгу-уль! Айгу-уль! Горы, леса, слышите ли вы? Я Айгуль!»

Отзывается эхо.

Посторонний человек. Вот, слышите, девушка ищет самое себя. Это случилось оттого, что сердце ее расстается с отрочеством и рвется в неведомую даль жизни. Беспечное пылкое сердце. Пусть ему сопутствует степенный и зрелый разум.

Голос Айгуль: «Каменные скалы, вечные, непоколебимые! Летучие облака из лебяжьего пуха! Синее небо, красное солнце! Ведайте: люблю вас! А еще люблю...»

Кого-с?

Голос Айгуль: «Человека!»

Кто этот человек?

Голос Айгуль: «Не знаю! Я не встречалась с ним наяву!»

Где же он?

Свет переносится на вершину горы, где стоит Айгуль. Середина лета. Солнечный день.

Айгуль *(положив руку на сердце)*. Здесь! В моей груди!

Посторонний человек *(в зал)*. Она в том возрасте, когда душа слепа, а глаза и днем над головой видят звезды.

А й г у л ь. Ой, я совсем лишилась стыда! На целый свет кричу о своей любви. «Люблю!» «Люблю!» Если бы услышала мама, она решила бы, что я сошла с ума. Мама! Мама!.. Что же ты не откликаешься? По-че-му? Я целых двенадцать лет зову тебя! Ма-ма! Ты мне очень нужна! Мне уже шестнадцать! Полных шестнадцать лет! Шестнадцать! Ого!

П о с т о р о н н и й ч е л о в е к. Бедная девочка! Она росла без матери. Ее мать Зульхабира пропала без вести, когда уехала в тысяча девятьсот сорок третьем году в полевой госпиталь к смертельно раненному мужу. Поехала и пропала. Кто знает, может, Зульхабира жива? Она была красивой женщиной, а красота женщины — лучшая ее защита. Айгуль росла у Ягафара, брата Зульхабиры. Прошло столько лет, а девочка что ни день зовет свою маму. Понимаю, сочувствую, жалею, но не могу помочь, потому что я — посторонний человек! *(Исчезает.)*

А й г у л ь. Что же ты не откликаешься, мама? Я во что бы то ни стало должна тебя найти... *(Обратив взгляд вниз, кому-то машет рукой.)* Эй, Ричард Львиное Сердце! Ричард Галин! Я здесь, на вершине!

Входит Р и ч а р д Г а л и н с полевой сумкой через плечо.

Р и ч а р д. Не говори мне больше «Львиное Сердце».

А й г у л ь. Почему?

Р и ч а р д. Потому что человек храбрее льва!

А й г у л ь *(с иронией)*. Извините, рыцарь, а вы тоже?

Р и ч а р д. Если потребуется, я докажу это на деле.

А й г у л ь. Не хвастайся! Ты робок, Ричард Галин!

Р и ч а р д. Я не робок. Я терпелив.

А й г у л ь. О, терпение! Оно иссякло у меня!

Р и ч а р д. Если терпение берет свое начало на горе надежды, оно не может иссякнуть. Что случилось, Айгуль?

А й г у л ь. Надо разыскать мою маму. *(Проводит ребром ладони по горлу.)* Вот так она мне нужна.

Р и ч а р д. Я к твоим услугам. Давай искать вместе!

А й г у л ь. Дядя Ягафар куда только не писал, но все безуспешно...

Р и ч а р д. Он искал ее в пределах нашей страны, а мы будем искать по всему свету.

А й г у л ь. А как?

Р и ч а р д. Мы отправимся в поиск с двух концов света.

Айгуль. Ты забыл, Ричард, что у белого света нет ни начала, ни конца...

Ричард. Тогда давай напишем в Организацию Объединенных Наций: мол, пожалуйста, разыщите такого-то человека, мол, убедительно просим...

Айгуль. Эта организация занимается человечеством в целом, а до отдельного человека ей нет дела...

Ричард. Тогда мы прямо обратимся к человечеству. К людям всех наций...

Айгуль. Постой-постой, Ричард! Ты, кажется, гений! Есть у тебя карандаш и бумага?

Ричард (роется в сумке). Есть!

Айгуль. Тогда садись и пиши! Я буду диктовать, а ты пиши! (Задумывается, потом диктует.) «Обращение к людям, обитающим на Земле!» Написал? Слово «обращение» подчеркни два раза.

Ричард. Подчеркнул два раза.

Айгуль. Чуть ниже пиши: «Тысяча девятьсот пятьдесят пятый год, девятое июня, пасека колхоза «Родина». Эти слова подчеркни одной чертой.

Ричард. Подчеркнул.

Айгуль. Пиши дальше: «Люди всей Земли! Я — Айгуль Идрисова. Моя мать Зульхабира Идрисова пропала без вести в тысяча девятьсот сорок третьем году... Говорят, что она была первой красавицей в округе».

Ричард. Насчет красавицы, пожалуй, не надо. Красота до вечера, а доброта навек. Лучше написать, что она была добрым человеком.

Айгуль. Согласна: вычеркивай! Продолжай: «Теперь ей тридцать пять лет, потому что, когда она родила меня, ей было девятнадцать. Люди! У вас есть друзья и соседи, у которых есть друзья и соседи, а те, в свою очередь, имеют друзей и соседей. Добрые и худые вести, перелетая из уст в уста, стремительно облетают земной шар. Из дома в дом, из аула в аул, из города в город, из страны в страну разнесите по миру весть: Айгуль ищет свою мать. Если в лесу заблудился ребенок, люди, взявшись за руки, прочесывают весь лес вдоль и поперек. Люди мира, прочесайте мою мать. Возьмитесь за руки! У вас пять миллиардов рук!» Ого! Пять миллиардов! (Ричарду.) Успеваете написать?

Ричард. Даже обгоняю тебя.

Айгуль. Это ни к чему. Пиши: «Радио и газеты всех стран, к вам обращаюсь я. Люди одинаково плачут и

смеются. Люди обязаны понимать людей. Услышьте меня и поймите. Я хочу быть счастливой. Заклинаю вас: помогите мне найти маму! Желаю вам удачи!»

Р и ч а р д. Выходит, что твое обращение адресовано и к буржуям?

А й г у л ь. Конечно.

Р и ч а р д. А нельзя ли без них?

А й г у л ь. Нельзя, потому что живем мы на одной планете.

Р и ч а р д. Так-то оно так... Сосуществуем... Все?

А й г у л ь. Нет. Кое-что надо предусмотреть. Пиши, Ричард, пиши: «Железнодорожные, воздушные, морские компании всего мира, если у моей мамы не окажется денег на дорогу, доставьте ее бесплатно. Я возмещу все расходы. Даю полную в этом гарантию». (Ричарду.) Все! Гарантию-то я даю, но, если заломят слишком дорого, где я возьму деньги?

Р и ч а р д. Пусть заломят хоть миллион! Люди аула не скупердяи! Сколько надо, столько и положат на бочку!

А й г у л ь. Тогда слова «даю полную в этом гарантию» подчеркни три раза!

Р и ч а р д. Подчеркнул! Что теперь с ним делать?

А й г у л ь. С кем?

Р и ч а р д. С обращением к человечеству?

А й г у л ь. Ступай домой и чернилами перепиши его в четырех экземплярах. Без ошибок и помарок. Три экземпляра пошлем в Уфу — для газет, один экземпляр — для радио. Подпишу я сама. Ступай!

Р и ч а р д. А ты?

А й г у л ь. Я еще немного постою на вершине — посмотрю на человечество!

Гаснет свет.

Занавес

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Прошел год. Вершина той же горы. Вечереет. А й г у л ь и Р и ч а р д.

Р и ч а р д (*серьезно, с грустью*). Одиннадцать лет пролетело со дня окончания второй мировой войны, а в мире ни покоя нет, ни порядка.

А й г у л ь. Минул год, а мы словно не сходили с этой вершины.

Р и ч а р д. Вот именно, стоим на месте и выше подняться не можем...

А й г у л ь. Выше? А куда выше могли бы подняться мы?

Р и ч а р д. Куда угодно, хоть на облака, хоть на луну!

А й г у л ь. Так высоко? А кто бы стал держать за тебя осенние испытания по химии?

Р и ч а р д (*разочарованно*). Весенние испытания... Осенние испытания... Зимние испытания, испытания... Вся жизнь из одних испытаний. Год назад мы обратились к уважаемому человечеству, и оно день за днем испытывает наше терпение. Разве человечество поступает бесчеловечно? Впрямь нет порядка на этой земле... Есть только испытания...

А й г у л ь. Каким долгим-предолгим был год! А что изменилось? Ничегошеньки! Мама так и не нашлась. Любовь обошла мое сердце. (*Подражая Ричарду.*) «Впрямь нет порядка на этой земле...»

Р и ч а р д. Не надо отчаиваться, Айгуль! Не надо... У меня к тебе просьба, молю — исполни ее...

А й г у л ь. Говори... Что за просьба?

Р и ч а р д. Посмотри мне в глаза... Только поглубже в них загляни, повнимательнее.

А й г у л ь (*глядит ему в глаза*). Заглянула... Глаза как глаза. Никаких открытий не последовало...

Р и ч а р д. Ты невнимательно смотрела в мои глаза, Айгуль. Если бы ты заглянула в них зорче, то увидела бы свое отражение. Может быть, любовь, о которой ты обмолвилась, находится совсем близко... Если бы ты умела читать по глазам...

А й г у л ь (*гладит голову Ричарда*). Эх ты, Ричард Галин... Ричард Галин... Любовь — это чувство, лишнее обыденности, она снисходит на сердце с удивительных и тайных высот, вроде солнца, озаряя и обвораживая. Слодит как наваждение. Тот, кого я жду, должен прийти, словно с пронзенной грудью, упасть на колени и прошептать: «Спаси! Только тебе дано сотворить это чудо!»

Р и ч а р д (*падает перед Айгуль на колени*). Спаси! Только тебе дано сотворить это чудо!

А й г у л ь. Вставай с колен, Ричард... Так не бывает... Скорее должен явиться образ любимого... (*Мечтательно*) Однажды я видела его во сне... Он не был похож ни на какого земного парня. Красавцем не назовешь,

но веяло от него силой и какой-то неотразимостью. Ты, Ричард, тоже неплох, но разве можно влюбиться в того, с кем просидела десять лет за одной партией?! Ты всегда ходишь рядом. Земная пыль, а не звездный свет лежит на твоих башмаках. Где необыкновенное, загадочное, возвышенное, где страдание, рапы? Ведь ничего такого нет!

Р и ч а р д. Будь милосердна, Айгуль! Я страдаю не меньше, чем тот, кто живет в твоём воображении. Я буду страдать ещё прилежней!

А й г у л ь. Ты будешь стараться, как раб, а тот придет под стать победителю и превратит мою душу в рабыню. Сердце мое, как подстреленная птица, сложив крылья, упадет к его ногам.

Невдалеке раздался выстрел. Одновременно на лесной тропе появляется К а д и р я н Я б а г а е в. Он, вздрогнув от звука выстрела, шархается в сторону, потом снова появляется на тропе.

Я б а г а е в. Господи, когда же перестанут палить из ружей?

Внезапный выстрел и появление незнакомого старика настораживает молодых.

Р и ч а р д. Кто это стрелял?

Я б а г а е в. Здравствуйте! Кто стрелял, не ведаю. Я за всю свою жизнь в руках оружия не держал, ибо не пуля, а человек из ружья убивает.

Р и ч а р д. А на войне из чего же стреляли?

Я б а г а е в. А я, милый, не воевал. Позвольте представиться — Кадирян Ябагаев.

Р и ч а р д. Я — Ричард Галин, а эту девушку зовут Айгуль Идрисова.

Я б а г а е в. Вот и познакомились

А й г у л ь (*про себя*). Кадирян Ябагаев. Ничего себе имя и фамилия. По имени «самовлюбленный», по фамилии «линочый».

Я б а г а е в (*к Айгуль*). Вы что-то спросить желаете?

А й г у л ь. Нет. Я просто подумала, что странные бывают имена.

Я б а г а е в. Человек не сам выбирает себе имя.

Р и ч а р д. Но порой оно так подходит человеку, словно само отыскало хозяина.

А й г у л ь (*Ябагаеву*). Вы впервые в наших местах?

Я б а г а е в. Бывал я здесь, а вот, кажется, заблудился... Ищу я...

А й г у л ь. Что ищете?

Я б а г а е в. Прощение грехам и спокойствие для души.

Р и ч а р д. В этом мире покоя не найти...

Я б а г а е в. А я и в другой отправиться могу...

А й г у л ь. Каждый ищет то, что желает найти...

Р и ч а р д. Одно я знаю наверняка: ворота на тот свет находятся не в нашем лесу. Вон какой он зеленый и приветливый!

Я б а г а е в. Буду рад тому, что найду... Не знаете ли вы пасечника Ягафара Муратшина?

А й г у л ь. Муратшин Ягафар? Как не знать, если это мой дядя! Вы, наверно, друг его молодости? А может, однополчанин?

Я б а г а е в. Я же сказал, что солдатом не был. Признали негодным. С Ягафаром меня другое связывает...

А й г у л ь *(сложив лодочкой руки у рта)*. Дядя! Дядя! Ого-го! Где ты? Не откликается. Наверное, ушел далеко.

Я б а г а е в. Ты, дочка, не очень старайся докричаться. Я не из тех гостей, которых ждут с нетерпением. Не усердствуй. Скажи, какой дорогой идти, и я сам его разыщу...

А й г у л ь. Идите по этой самой тропинке, она вас приведет прямо на пасеку. Дядя или на пасеке, или на берегу озера, вниз.

Р и ч а р д. Если возле дома увидите медведицу с медвежатами, не пугайтесь — это наша Тыйнак. Мирная она. Домашняя. Того, кто ее не дразнит, не трогает.

Я б а г а е в. Я уже не в том возрасте, когда медведя дразнят. Его вообще не следует дразнить. Благодарю вас за советы. Пойду! *(Уходит.)*

Вдалеке слышно, как рычит медведь. Рычание повторяется.

А й г у л ь. Ведь это Тыйнак рычит! Кто же ее разгневал?

Р и ч а р д. Геологи поблизости бродят. Может быть, они ее испугали?

А й г у л ь. Слушай, Ричард, скажи им, чтобы не трогали медведицу.

Р и ч а р д. Я им, бродягам...

Из леса, еле волоча ноги, появляется И л ь д а р, весь в крови, одежда свисает клочьями. Айгуль и Ричард глядят на него с ужасом.

А й г у л ь. Вы весь в крови!.. Что стряслось? Вы ранены? Вам плохо?

Ильдар молчит.

Р и ч а р д. Кто вас так изодрал?
И л ь д а р. Медведица, будь она проклята!
А й г у л ь и Р и ч а р д. Медведица?

Еле волоча ноги, на опушке появляется Тыйнак.

А й г у л ь. Вот эта медведица?

И л ь д а р. Она самая!

А й г у л ь (*подбежав к медведице, колотит ее обеими руками*). Как ты посмела напасть на человека, Тыйнак? Что он тебе сделал плохого, неблагодарный ты зверь? Я выгоню тебя из родного леса! И следов твоих не будет в этих горах, людоедка! (*Бьет медведицу и вдруг замечает кровь на своих руках.*) Кровь! Чья это кровь?

И л ь д а р. Погоди, укротительница! Не виновата она... Я первый напал на нее. Выстрелил из-за кустов, когда она играла с медвежатами. Убить не смог...

Медведица грохается на землю.

Р и ч а р д. Ты убил ее... Убил, потому что шатаешься с ружьем и потому что испугался.

А й г у л ь (*встав на колени перед медведицей*). Тыйнак! Прости меня, Тыйнак! Хорошая моя, верная, собери все свои силы, постарайся не умереть. Постарайся не умереть! У тебя двое медвежат, они такие милые, забавные. Тыйнак, посмотри на меня! Не умирай, Тыйнак!.. Умерла...

Р и ч а р д. Эта медведица была разумней и добрей, чем иные люди. Доброта всегда беспечна и доверчива. Стрелки, палящие из-за кустов, так и норовят стянуть с нее шкуру.

А й г у л ь (*подойдя к Ильдару*). Зачем стрелял, зачем убил ты ее, человек? Ради чего? Кто из вас зверь? Кто? Или страх обуял? Или убил для забавы? Эх ты, человек!

И л ь д а р (*шатаясь, вот-вот упадет*). Ой, умираю... Все кругом идет... Спаси меня, девушка, худо мне! (*Падает на колени перед Айгуль.*)

А й г у л ь (*вскрикивает*). А-а! Ты сказал «спаси»! Неужели это ты? Тот, кого ждала? Дядя! Ричард Галин,

пу что ты стоишь? Человек умирает! Беги разыщи дядю и приведи сюда! Дядя!

Ричард уходит нехотя. Айгуль, разорвав рукав белой кофты, вытирает лицо раненому.

Я ведь не думала, не гадала, что придешь ты, убив Тыйнак. Соберись с духом, слышишь, осиль раны свои. Ты же человек! Не закрывай глаза, смотри на меня! Я спасу тебя!

И л ь д а р (*в бреду*). Кто осушил весь ручей? Почему исчезла вода? Пить, пить...

А й г у л ь. Милый, потерпи чуток. Эй, Ричард Галин, принеси воды! Скорей! Поторашливайся!

Я б а г а е в (*появляясь на тропе*). Все осушаем мы сами! Истребляем! Губим! Заметив дичь — палим из ружья. Увидим лес — рубим под корень! Цветок встретим — срываем! Нужно, не нужно. Лес — древесина, медведь — мясо, цветок — украшение. Не ждем милости от природы и не милуем ее. Землю матерью называем, но сколько мук она терпит от нас — детей своих.

А й г у л ь (*смотрит на Ильдара*). А я тебя во сне видела. Но ты был немного другим. Во сне всегда все волшебней. Кто ты? Ах, не все ли равно, кто ты? Просто ты — это ты! Главное, что обернулся явью и нашел меня. Я перевяжу твои раны, я вылечу тебя. Вот увидишь, сама вылечу, выхожу... Ты даже не стонешь, значит, ты сильный и храбрый.

Я б а г а е в. Кому сразу воздается за грехи его — тому легче. Принял кару — и пожалеть могут...

А й г у л ь. Вот и открыл ты глаза свои! Гляди, это наше небо, это я — Айгуль. Ты видишь меня, ты слышишь мой голос?

И л ь д а р. В ручье нет воды, а я слышу его серебряный голос.

Я б а г а е в. Бредит. Не прав медведь, что козла зарезал, не прав и козел, что пошел в лес... Скоро подадут ему воды, и он утолит жажду, придет в себя. Молодой, раны затянутся как на собаке. А время пройдет, позабудет он и лес, и медведицу, и раны свои. Тем более что медведь жалеет жалоб подавать не могут.

Ягафар и Ричард. Ягафар хромает. В руках у Ричарда кружка с водой и кружка. Он передает кружку Айгуль, и та, выйдя из пещеры, берет Ильдара. Когда Ябагаев увидел Ягафара, он пытается подняться к нему, но сдерживает себя. Ягафар смотрит в сторону Ябагаева удивленный взгляд и в дальнейшем не обращает на это внимания.

Я г а ф а р. Всякий гость приходит со своей судьбой.

А й г у л ь. Ему очень плохо, дядя!

Я г а ф а р. Вижу. Медведь не любит оставлять спор неразрешенным. Надо перенести этого горе-охотника в дом. А ну-ка, Ричард, подсоби! Чего это ты обмяк, словно сам под медведем побывал?

Р и ч а р д *(показывая на медведицу)*. А с ней как быть? Ягафар, бросив грустный взгляд на медведицу, молчит. Ильдара поднимают.

А й г у л ь. Вы только поосторожней! Ричард Галин, кому я говорю!

Я г а ф а р. На войне я сотни раз перетаскивал на плащ-палатке людей с того света на этот. У меня легкая рука, доченька!

Р и ч а р д. Его надо б в больницу отправить, а то мало ли что может быть...

А й г у л ь. Нет-нет... Его нельзя в больницу. Вызовем врача сюда. Это я поручаю тебе, Ричард Галин. *(Оглядывается на медведицу.)* Ты уж прости этого гостя, Тыйнак! Если можешь... Прощай, дорогая! Мне надо позаботиться о человеке, который, может, ошибся не по своей воле. *(Уходит.)*

Я б а г а е в. Так уж устроен бранный мир. Того понесли лечить, а с этой попозже сдерут шкуру. Каждому — свое. А меня Ягафар словно не заметил. Крепок еще. И деревянной ногой крепко ступает. Не зря сказано: покуда лихого коня пот пробьет, из худого коня — душа вон. Разные мы с ним кони. *(Бросив взгляд на медведицу.)* С мертвой медведицей простились, а на живого человека позабыли и глянуть. Видать, такие, как я, бывают лишними не только на свадьбе, но и на похоронах. Ладно, раз пришел, не уйду, покуда не исповедуюсь. *(Уходит.)*

Гаснет свет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Двор дома на лесной поляне. Это дом Муратшиных. Рядом с ветвистым дубом под навесом полулежа сидит на подушках И л ь д а р. Он смотрится в маленькое зеркало. А й г у л ь стоит перед ним на коленях.

И л ь д а р. Раны заживают, а рубцы остаются. *(Разглаживает пальцами лицо.)* Безобразные, уродливые шрамы...

А й г у л ь. Не говори так, Ильдар. Шрамы — укра-

шение мужчины. Твои раны я омывала светом глаз своих, перевязывала своим дыханием. Каждым словом я старалась утолить боль их. Твои раны были моими, значит, и шрамы твои — мои шрамы. Все, все мое — и твои страдания, и твои радости. Слышишь, все, все...

Ильдар. Когда звучит твой голос, мне чудится, что лепечет ручей. Владая в беспамятство и приходя в себя, я все время слышал это серебряное журчание. Ты говори, а я, закрыв глаза, буду слушать музыку твоего лесного ручья. Божественную музыку.

Айгуль. Какая там божественная музыка? Болтаю, как дура, без умолку. А знаешь, почему я болтаю целые сутки? Потому что я счастливая. Я такой счастливой никогда не была. Наверное, это правда, что счастье — словоохотливо, а горе — немногословно. Я счастлива, потому и говорлива.

Ильдар. Счастье! Таким словом легко не бросаются, Айгуль. Оно большое по смыслу.

Айгуль. Я и сама не маленькая, и слово мое большое. А знаешь почему?

Ильдар. Почему?

Айгуль. Потому что я люб-лю!

Ильдар. Кого?

Айгуль. Землю, небо, солнце, горы... А еще — человека. Одного человека... *(Шепотом.)* Люб-лю! *(Закрывает глаза, низко склонив голову, становится совсем маленькой.)*

Ильдар. Маленькая Айгуль, ты похожа на белого мотылька, что родился сегодня на заре. Твои крылья сотканы из солнечных бликов и просвечивают насквозь. Страшно подумать, что с тобой станет, если ты вдруг угодишь в огонь или в жгучий мороз.

Айгуль. Умоляю тебя, не говори такие предостерегающие, холодные слова. Я не хочу трепетать от страха. Говори слова солнечные, я хочу замирать от радости.

Ильдар. Я тревожусь за тебя, мотылек!

Айгуль. Пожалуйста, не делай этого. Мне уже ~~семнадцать~~ лет. Шутка ли — полных семнадцать. Я только на год младше Зои, но зато *(показывает на пальцах)* на два года старше Джульетты. Одна из них отдала жизнь за Ренну, другая — за свою любовь. Знай: я названная сестра Зои, из того же девичьего царства-государства. Ты же сестра Зои моя. Неподалеку отсюда есть черная, ~~ироничная~~ ~~слова~~. В старину девушку по имени Гульсара

хотели разлучить с любимым. Она не пожелала с ним разлучаться и бросилась в пропасть с этой скалы. С тех пор скала носит ее имя.

И л ь д а р. Поведанное тобой — одно страшнее другого.

А й г у л ь. А ты не бойся! Вера рождает богов, а страх — духов. Может быть, когда-нибудь появится «Гора Айгуль», но «Скалы Айгуль» никогда не будет, потому что есть ты. А я люблю тебя.

С котелком в руке входит **Р и ч а р д**. Услышав последние слова Айгуль, закрывает глаза рукой, уходит.

И л ь д а р. За что, несмышлениш?

А й г у л ь. За что? Не знаю... А разве любят «за что»? Я ждала тебя с четырнадцати лет. Вот ты и возник из моего ожидания... В прошлую ночь, когда ты заснул, я встала перед тобой на колени и долго-долго не сводила с тебя глаз. На твое бледное лицо падал тусклый лунный свет. Ты показался мне существом не земным, а сыном какого-то небесного владыки. Мне чудилось, что ты вот-вот проснешься и улетишь обратно. Сердце мое екнуло. Или все это — и ты сам, и ущербная луна, и я, полюбившая тебя, — только сон? Наяву не может быть человеку так хорошо, так безмерно хорошо, как мне было в те минуты...

И л ь д а р. Проснись, Айгуль! К сожалению, я человек земной, да к тому же сын долины, а ты девушка гор и выросла посреди облаков. Сойди в долину!

А й г у л ь. Ни за что! Сам поднимись к облакам!

И л ь д а р. Если бы ты не была такой красивой и юной (*вдруг поднимается*), а я не был бы столь трезвым, то сказал бы тебе: «Искал я в горах золото, но не нашел. Устал, изнемог. И в тот день, когда чуть не провалился в бездну смерти, оказался ненароком в волшебной стране Дочери Солнца. Дочь Солнца! Я — твой раб, я — твой повелитель». Вот как бы сказал тебе я.

А й г у л ь (*шепотом*). Повтори, повтори сказанное: «Я — твой раб, я — твой повелитель!»... Повтори!

И л ь д а р. Не могу, Айгуль! Там, внизу, на равнине, у меня есть свой мир, он не похож на сказку.

А й г у л ь. Ну и пусть! Я не собираюсь вторгаться в твой мир. Ты явился в мой! Светло ли, тепло ли тебе в моем подоблачном мире?

И л ь д а р. Светло. Но ты понимаешь, я не имею права.

Айгуль. Имеешь, имеешь полное право. Право любви — неограниченное право. В любви и раб всевластен.

Ильдар. Я должен тебе сказать, я давно должен был тебе сказать, что там, внизу, я не один, Айгуль... Я не свободен...

Айгуль. Я знаю. Там, в твоём шумном городе, у тебя есть невеста или даже... жена.

Ильдар. Откуда ты это знаешь?

Айгуль. Когда ты начал поправляться, я отправилась в ваш геологический лагерь на берегу озера. Там мне дали адрес твоей нареченной, и я написала о тебе. Ее зовут Милавша, что значит фиалка. Да?

Ильдар (*тревожно*). Да, фиалка. Постой-постой, для чего же ты ей написала?

Айгуль. Ради тебя. Чтобы тебе было хорошо! Ради себя самой... Ради нас...

Ильдар. А что, если она приедет?

Айгуль. А для этого я написала. Пусть приезжает!

Ильдар. Кто-то сошел с ума... Ведь ты же только что говорила...

Айгуль. Что люблю тебя... Так оно и есть. Какое мне дело до неё... День ли, год или целая жизнь — не все ли равно? Сколько мне будет дано, столько я буду тебя любить. Лучше ведь быть царицей, чем век рабыней.

Ильдар. А если?..

Айгуль. Что?

Ильдар. А если я вдруг уйду в долину?

Айгуль (*спокойно*). Мы расстанемся. Может быть, даже умрем. Это меня не пугает. Людей нередко разлучают даже смерть.

Ильдар (*с сожалением*). А что же страшит тебя тогда?

Айгуль. Ничто меня не страшит, потому что я люблю тебя. Если не смогу видеть, стану думать о тебе, тосковать. Вон солдаты как далеко, но оно мое! Вон до тех женщин руки не достать, но все равно они мои! Так же и ты будешь моя.

Ильдар смеется над Айгуль с удивлением и восторгом. Входит Рина и становится за дубом.

Ильдар. Слыш на облаках, говоришь ты эти удивительные слова, загадочные, прекрасная, необыкновенная Айгуль. Слыхивать во имя. Земная любовь такой не бывает.

Айгуль. А какой бывает она?

Ильдар (нерешительно, трепетно протягивает руки к Айгуль). Иди ко мне, Айгуль!

Айгуль (дрожа, приближается к нему). Иду!

Ильдар. Закрой глаза!

Айгуль. Закрыла...

Ильдар (обнимает и целует Айгуль). Теперь открой глаза. Открой!

Айгуль. Открыла...

Ильдар целует ее еще и еще раз. Ричард, закрыв глаза, отворачивается.

Ой! Ты поцеловал меня! Два раза, даже три раза! Значит, и ты... и ты любишь меня.

Ильдар восхищен и поражен.

Вот возьму и разревусь от счастья. Нет, лучше я не буду плакать. Потом поплачу за все сразу.

Ричард (из-за дуба протягивает котелок). Возьми! Я принес...

Айгуль (вздвигнув). Что ты принес?

Ричард. Сама просила принести рыбу для этого (кивает на Ильдара) ловчего...

Айгуль. А... Да-да! Спасибо, Ричард Галин. Ты настоящий товарищ. (Несет котелок Ильдару.) Посмотри-ка, Ильдар, как они бьются в котелке.

Ричард (к Айгуль). Не ради него, а ради тебя старался.

Ильдар (Ричарду). У меня есть имя, и вы должны быть вежливы, тезка английского короля.

Ричард. А ты зови меня просто «рыбак» или «посыльный». Будем квиты: как говорится, баш на баш!

Айгуль. Не к лицу тебе, Ричард, такая злость. Ведь ты хозяин.

Ричард. Какой я хозяин? Знаем, кто тут хозяин. «Закрой глаза, открой глаза...»

Айгуль. Ричард Галин, как тебе не совестно?

Ричард. Про мою совесть можно писать повесть. Я пошел. Ваше приказание выполнено! (Козыряет и намеревается уйти.)

Айгуль. А ягоды?

Ричард. Ему и так сладко... У меня поясница не гнется...

Айгуль. А ты постарайся.

Р и ч а р д (*с издевкой*). Человеку, носящему королевское имя, не к лицу на четвереньках ползать под кустами и собирать ягоды. Совсем не к лицу! Из-за раненого петушка ты желаешь ошипать всю мою соколю гордость. «Раненый», «раненый»... Как будто нераненый человек — уже и не человек. (*Уходит.*)

И л ь д а р. Ревнует парень! Мальчишкой я соседку ревновал к мужу. Ночей не спал. Хотел укокошить соседа. Сколько ему лет?

А й г у л ь. Мой ровесник.

И л ь д а р. Нос до любви не дорос, а губы чмокаются.

А й г у л ь. Он мой друг, и ты не должен говорить о нем презрительно. Не будешь?

И л ь д а р (*кивает*). Ладно! Бог с ним!

Входит Я г а ф а р. В одной руке кнут, в другой ружье.

А й г у л ь. Не на охоту ли ты собрался, дядя?

Я г а ф а р. Зайца на барабан не выманишь, вот я и решил ружьишко взять. А ты, доченька, не очень ли надоела больному? Безотлучно сидишь подле него, утомляешь только...

И л ь д а р. Да я почти здоров, Ягафар-агай!

Я г а ф а р. Повезло тебе. Когда б твоя пуля не попала в печень медведицы, быть бы тебе на том свете, горе луковое.

А й г у л ь. Ой! (*Прижимается к дяде.*) Подумать страшно.

И л ь д а р. То хорошо, что хорошо кончилось. Вам спасибо за многое, Ягафар-агай. И вправду рука у вас легкая.

Я г а ф а р. Коли знаешь цену добру, подам я тебе совет: входи в лес не с выстрелом, а со словами привета. Если сразу лес не услышит, повтори.

И л ь д а р. Полученного урока на всю жизнь хватит, да еще другим останется...

Я г а ф а р. Держи свое ружье! Валялось на том месте, там медведица тебя подмяла.

И л ь д а р (*берет ружье*). Мое. Оно самое.

Я г а ф а р. Еще, парень, вот что я тебе хотел бы сказать (*показывает на Айгуль*): не прицеливайся во всякую клячу, которую встретишь...

И л ь д а р. Понимаю...

Я г а ф а р (*к Айгуль*). Я дня на два уезжаю, дочка, так ~~не забывайся~~ *дочка* имейной дома. Тут старик захожий встал

на постой. Если у тебя для чего не найдется теплого слова — не беда, но в горячей пище ему не отказывай.

А й г у л ь. Уже больше недели живет у нас, а что за человек, так и не знаю. Кто же он?

Я г а ф а р. Кто сейчас — не ведаю.

А й г у л ь. А раньше кем был?

Я г а ф а р. Раньше? Когда-то мы были с ним друзьями. С тех пор много воды утекло, да и не только воды... Как-нибудь в другое время расскажу... *(Лошади, привязанной в стороне.)* Тпру! Не балуй! Овод кусает ее! Ишь крутится! *(Ковыляет к выходу.)*

Запыхавшись, вбегает Я б а г а е в.

Я б а г а е в. Прошу прощения, я, кажется, помешал вашей беседе. Понимаете, собирал ягоды под черной скалой... Вот эти ягоды. *(Ставит туюсок на стол.)* Вдруг вижу — Ричард появился на скале, слава богу, не на самой вершине ее, крикнул: «Здравствуйте, мои будущие рабы!» — и бросился вниз. Не оступись, а именно бросился.

Все поражены.

А й г у л ь. Ричард Галин! Что ты наделал, сумасшедший! *(Выбегает.)* Ричард Галин!

Я г а ф а р. Да жив ли остался?

Я б а г а е в. Я близко не подходил. Опрометью сюда кинулся. *(Уходит вместе с Ягафаром.)*

И л ь д а р. Дурашливый мальчишка! *(Смеется.)* А почему я смеюсь над ним? Может, он вовсе не дурак. Может, и впрямь он отчаянный малый с львиным сердцем? Сам я из-за любви не способен даже через плетень перепрыгнуть, не то что со скалы кинуться. Всю жизнь я был как избалованный щенок, который лежит в конуре и ждет, когда ему поднесут очередную кость. Не дано мне права потешаться над этим парнем. Здесь иной, чистый мир. Это царство Айгуль, страна Айгуль. Я чужой в этой стране доброты и самопожертвования. Уехать бы, пока не наделал бед. Да забылся, чуть было... Убраться восвоеси самое время!

Р и ч а р д а вводят под руки. Он изранен.

Я г а ф а р. Была бы моя воля — отхлестал бы кнутом. Мало тут без тебя хромых.

Айгуль. Дядя, не ругай его, пожалуйста! Ему и так тяжело, даже очень тяжело. Где болит у тебя, Ричард? Ричард Галин с безрассудным сердцем!

Ричард. Рука, правая рука! Да еще нога!

Ягафар. Вот оттяпают тебе доктора ногу, Ричард без царя в голове, и станешь ковылять вроде меня.

Ричард. Я не пойду к докторам.

Ябагаев. Простите, но, мне кажется, без доктора не обойтись, раны у вас нешуточные.

Ричард. Я сказал — в больницу не пойду. Пусть меня лечит Айгуль! Чем я хуже других?

Айгуль. Дядя, что делать?

Ягафар. У него сломана рука. Немедленно надо везти в больницу! Немедленно!

Ричард. Ни за что! Я не поеду в больницу! Почему одним можно и без больницы, а другим нельзя? Почему нельзя другим?!

Айгуль (*встает на колени перед Ричардом*). Дорогой мой Ричард! Так надо! Сделай это для меня!

Ильдар (*подходит к Ричарду*). Прости меня, парень! Я подшучивал над тобой, а ты и впрямь не из робкого десятка. Так что прости, дружище!

Ричард. Перед вашим благородством я склоняю голову, но лучше вам лечь в постель во избежание осложнений...

Айгуль. Ричард, возьми себя в руки и не горячись. Ты обязан быть рыцарем, к тому же Ильдар ни в чем не виноват.

Ричард. Горячись, не горячись — какой в том прок? Сними сумку!

Айгуль. Сняла.

Ричард. До моего возвращения спрячь ее. Пусть не прикасаются к ней чужие руки.

Айгуль. А что в этой сумке?

Ричард. Моя душа!

Ягафар. Ступай, Айгуль, приведи лошадь к воротам!

Айгуль. Иду! Иду, дядя!

Ябагаев (*Ягафару*). А мне как быть?

Ягафар. Как знаешь...

Ябагаев. Ждать ли?

Ягафар. Как хочешь...

Ябагаев. Позову. У меня другого дела нет.

Ягафар и Ябагаев берут под руки Ричарда, уходят.

Ильдар (разглядывает свое ружье, вешает его на гвоздь. Прислонившись к дубу, стоит, задумавшись). Печальные события тут забываются быстро. Здешние люди не отравляют себе жизнь горькими воспоминаниями. Никто уже не говорит об убитой медведице. Позабудется и пальной поступок Ричарда...

Входит Айгуль, на ходу открывает сумку, вынимает большую тетрадь, читает, не обращая внимания на Ильдара. Он незаметно уходит.

Айгуль. «Тетрадь Айгуль». Стихотворение. «Посвящается Айгуль». (Перелистывая.) «Я видел во сне Айгуль». «Улыбка Айгуль». «Голос Айгуль». (Перелистывая дальше.) «Айгуль. Айгуль»... «Когда я ревную Айгуль...»

Вьются тучи над соснами чальми,
Ясный месяц увидеть смогу ль?
Белоликая,
Черными чарами
Околдована нынче Айгуль.
У меня пред вершинами горными,
Как пронзенная сотнями пуль,
Днем и ночью под тучами черными
Изнывает душа по Айгуль.

«Изнывает душа»... (Смеется, но тут же, словно опомнившись.) А чего же здесь смешного? Может быть, надо не смеяться, а плакать... Плакать от жалости... Плакать от восторга... Восхищаясь его преданностью, любовью, терпением? (Бережно кладет тетрадь в сумку. Нежно гладит сумку, потом прижимает ее к сердцу.) Ричард Галин — милый рыцарь печального образа, добрый чудак Дон-Кихот, грустный шутник Ходжа Насреддин... (Вдруг в замешательстве и тревоге кричит, зовет Ильдара.) Любимый!

Нет ответа.

Где ты?

Нет ответа.
Гаснет свет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Прошло около недели. Под тем же дубом сидят Айгуль и Ильдар. Айгуль кормит его ягодами, опуская по яголке ему в рот.

Айгуль. Открой рот, закрой глаза!

Ильдар. Открыл — закрыл.

Айгуль (бросает в его рот яголку). Как потешно!

(Смеется.) «Открой рот, закрой глаза». (Бросает ему в рот ягодку.) Постой-постой! Ты поступил нечестно, рот открыл, а глаза не закрыл. Хитер бобер! Закрывай глаза и открывай свой зрячий рот.

Я б а г а е в вводит Ю з е м и М и л а в ш у.

Я б а г а е в. Сказал бы вам: «Добро пожаловать!» — да не я здесь хозяин. (К Юзем.) Разрешите ваш чемодан?

Ю з е м. Кто тут хозяин?

Я б а г а е в. Не я! Я даже не гость. Просто прохожий — человек заходящий.

Ю з е м. Дети божии — все прохожие. Я весь век с чемоданом не расстаюсь, словно иная с любовником. Возьмите!

Подает чемодан Ябагаеву; тот, приняв его, чуть не падает от тяжести.

Я б а г а е в. Вы сильная женщина. Разрешите представиться: Ябагаев, Кадирян Ябагаев.

Ю з е м. Никогда не слыхала о вас. Я — Юзем! Гульюзем Хатмурзина. Это моя дочь — Милавша!

Я б а г а е в. К сожалению, я тоже слышу о вас впервые. Будем знакомы.

М и л а в ш а (восхищенно смотрит вокруг). Какая прелесть! Зеленые горы подпирают синее небо. Тишина. И дышится так сладко, словно попали мы в один из уголков рая. Наверно, живут в нем счастливые люди?

Я б а г а е в (Милавше). Истину говоришь, девушка. Вон, глянь-ка на них! Счастливей не сыскать!

Ильдар и Айгуль увлечены своей игрой и не замечают приезжих, которые остановились возле ворот. Все смотрят на них по-разному: Ильясов — благодушно, Юзем — во гневе, Милавша — в недоумении, из рук выскальзывает плащ.

А й г у л ь (Ильдору). Открой рот!

И л ь д а р. Открыл!

Айгуль бросает ему в рот ягодку.

Закрой глаза!

А й г у л ь. Закрыла.

Ильдар хочет поцеловать Айгуль, он вдруг замечает тех, кто стоит у ворот. Ильдар застывает с открытым ртом.

(Открыв глаза.) Ты насторожился, как борзая. Даже уши наострил. (Смеется и поворачивает голову в сторону, куда смотрит Ильдар, порывается подбежать к приездим, но останавливается.)

Ильдар. Милавша? Юзем-ханум? Вы приехали?

Милавша. Что? Как снег на голову? Не вовремя прибыли? Извини, коли нарушили вашу идиллию. Ты что рот разинул? Не ждал?

Ильдар. Да нет... ждал. Со дня на день ждали!

Милавша. Кто написал мне письмо? (К Айгуль.) Не ты ли?

Айгуль. Я! Добро пожаловать!

Милавша. Вызвала, приезжай, мол, погляди, как я милуюсь с твоим нареченным. На мед мухи падки! Чего молчишь?

Айгуль. Я не молчу. Проходите, пожалуйста, в дом! Скоро вернется мой дядя!

Юзем (Милавше). Ты только взгляни на нее! «Проходите, пожалуйста!» Даже не зарделась от стыда.

Абагаев. Я пойду... Дела у меня!

Юзем (Абагаеву). Нет, погоди! Никуда ты не пойдешь! Свидетелем будешь!

Абагаев. Не гожусь я в свидетели. Прописки у меня нет! (Ставит чемодан и не знает, куда ему деться.)

Юзем (Абагаеву). Ни с места! Ты — свидетель!

Милавша (к Айгуль). Посмеяться надо мной захотела? Мол, убедись воочию, как жениха твоего перекуковала?

Айгуль. Что вы тут мелете? Что она говорит, Ильдар?

Ищет у него поддержки и помощи, но он молчит.

Милавша. Не хитри! Меня на мякине не проведешь!

Абагаев (резко, Милавше). Не знаю, как величать вас — ханум или барышней... Но я бы хотел заметить...

Милавша. Мне адвокаты не нужны! Я сама единственная дочь известного адвоката Хатмурзина.

Абагаев. Понятно! Адвокат что маляр: враз из белого черное сделает.

Юзем. Понял, кто мы такие? Знакомо? (Грузно садится на чемодан.)

Абагаев. Что знакомо, осталось дома!

М и л а в ш а (к Айгуль). Отвечай, зачем позвала меня? Чтоб отреклась я от него, бесстыдница? (Идет на Айгуль, та отступает.) Сначала медведя на него натравила, затем к рукам прибрала. Приворожила. Еще бы, не так-то просто среди медведей найти себе мужа!

А й г у л ь (Ильдару). Ты почему молчишь? Зачем позволяешь так унижать меня?

Ильдар молчит.

Ю з е м (Милавше). Доченька, поинтеллигентней будь, ведь ты не деревенщина!

М и л а в ш а. Мама, ты не суйся! Маленькой была — куклы подруге не давала, а уж жениха уступить какой-то девчонке и не подумаю. Нет уж! Пардон!

А й г у л ь (Милавше). Тетя, вы заблуждаетесь. Не нужен мне ваш жених. Я не собираюсь замуж. Мне только еще семнадцать.

М и л а в ш а. Из молодых, да равняя. «Открой глаза», «закрой глаза». Знаем мы эту игру. (В сторону.) Хлопая глазами, дожидла я до двадцати семи лет. (К Айгуль.) Я уже вышла из того возраста, когда заблуждаются! А вот ты дала промашку, ошиблась.

А й г у л ь. Может, и ошиблась! Ошибка еще не вина. За что же вы так грубо и жестоко оскорбляете меня? Кто вам дал такое право? (Ильдару.) Скажи, Ильдар, что у нее нет на это никакого права!

Ильдар молчит.

Почему ты молчишь?

М и л а в ш а (подойдя к Ильдару). И вправду, почему же защищаешь ее? А? Отчего не спешешь ее обелить, жених двух невест? Мельник штукатурка не запачкает.

И л ь д а р (Милавше). Зря шумишь! От скуки я подурачился малость...

А й г у л ь. От скуки? Подурачился?

Ю з е м (Милавше). Успокойся, доченька. От расстройства портится цвет лица. Что обнял да поцеловал, то ветром сдуло, водой унесло. Может, и не целовались они.

А й г у л ь. Как вам не совестно? Взрослые люди, а...

М и л а в ш а. Вот и пожаловали, чтобы поучиться у ~~меня~~, как мужчинам ягодки подносить...

А й г у л ь. Хватит! Остановись! (Бросив взгляд на Ильдара.) Вас трое, а я одна...

Я б а г а е в (*неожиданно молодцевато подавшись вперед и взяв палку*). Послушайте-ка, дамы! Жили в цивилизованном мире, а порядка не знаете.

Мать и дочь смотрят на него с испугом.

Кто ж в святые места входит в грязной обуви? Вы обязаны были вначале разуться, омыть ноги, а уж потом входить в этот двор. А ну, разувайтесь! Кому я говорю!

Ю з е м. Господи, это же псих!

Я б а г а е в (*размахивая палкой*). Да, псих! Псих! Псих! Состою на учете! Кому говорю! Разувайтесь!

М и л а в ш а. Угодили в логово к сатане! (*Ябагаеву.*) Брось палку, старый черт!

Ю з е м. Ой! Ой! (*Ябагаеву.*) На кого дубину поднимаешь, бродяга?

Я б а г а е в. Разувайтесь, а то кости переломаяю!

Ю з е м. Прописки не имеешь, а разбойничаешь. Шизофреник!

М и л а в ш а (*Ябагаеву*). За все ответишь! Насидишься еще в тюрьме! Даром тебе это не пройдет!

Я б а г а е в (*снова размахивая палкой*). Насижусь! А пока власть в моих руках. Что вам приказано? (*Загоняет их в угол двора.*)

Ю з е м. Бешеный! Караул! Убивают! Ильдар, что ты стоишь как истукан?

Я б а г а е в. А ну! Разувайтесь, ведьмы!

Обе в страхе снимают туфли.

Вот так-то! Теперь на цыпочках — воп отсюда! Кому велено, сгиньте! На цыпочках!

Гости уходят на цыпочках.

Вот так... (*Ильдару.*) А ты?

И л ь д а р. Что — я?

Я б а г а е в. Дуй следом! Прохвост! Чего стал? Смотри, а то я докончу то, что медведица докончить не успела. Мне теперь все едино... (*Поднимает палку на Ильдара.*)

Ильдар, прихрамывая, отступает к воротам.

(*Сует ему палку.*) На! Опирайся! Да быстрее с глаз долой!

Ильдар уходит.

Эй-й, тут барахло ваше осталось! *(Поднимает чемодан, подхватывает плащ, выходит следом.)*

Долгая пауза.

А й г у л ь. Как нелепо все кончилось! И в дурном сне не приснилось бы, что расстанемся вот так. Представлялось мне, что поднимется он на вершину, а я, стоя здесь, буду махать ему вослед рукой. Как позорно он ушел, словно провалился в отхожую яму. За что меня так унизили, растоптали? *(Протягивая руки к дереву, к столбу, к дому.)* За что? Точно две пригоршни грязи швырнули прямо в лицо... Ушел... *(Ощупывает лицо.)* Не оставил ни боли, ни раны, ни слез, лишь черную обиду оставил вот тут! *(Показывает на грудь.)* Как это непонятно и жестоко...

Возвращается Я б а г а е в.

Я б а г а е в. За последние двадцать лет совершил что-то стоящее. Даже человеком себя почувствовал. Отменно получилось... *(Взмахнул рукой.)* Киш-киш! Проклятый коршун! Кружится, точно падаль почуял! *(Глядя в небо.)* Киш, стервятник, киш! *(Уходит.)*

А й г у л ь. Как тихо стало, словно ангел пролетел. Неужели это и было закатом любви?.. *(Медленно и печально удаляется.)*

Появляется Посторонний человек.

Посторонний человек. Девушка, ты ошиблась, но ошибка твоя священна. Не грусти, любовь не покинула тебя. Она осталась в тебе и ждет достойного слуги своего и властелина. А того забудь — он и в жизни браконьер. Ответственность и забота, которые надо проявлять в любви, страшат его. Из пяти женщин четверо проявляют самоотверженность в любви, на столько же мужчин — четверо оказываются трусами. Об этом говорю я — посторонний человек в обличье мужчины. Я знаю, о чем говорю. И утверждаю: женщина не может быть восторонним человеком. Это исключено. Посторонний человек все понимает, умеет жалеть и страдать, но не жинется в огонь из-за ближнего. Он не способен на самопожертвование. Тот, на чьем лице остались шрамы от когтей медведицы, из нашей породы — посторонних людей. Нас много. Мы — сила... мы стоим на всех ступенях людской иерархии. Мы — сентиментальные соглядатаи судеб. Свидетели, но не участники событий. Поучаем, ви-

ним, одобряем, но бездействуем. Вот и я разглагольствую, резонерствую, переживаю, но не действую, потому что я — посторонний человек! (*Уходит.*)

Перепрыгнув через плетень, появляется Р и ч а р д Г а л и н. Его правая рука в гипсе.

Р и ч а р д (*зовет*). Айгуль! Ягафар-агай! Айгуль! Где же вы?

Вбегает А й г у л ь.

А й г у л ь (*радостно*). Ричард Галин! Вот здорово! Покончил со своей дурью?

Р и ч а р д. А ты?

А й г у л ь. Я покончила. Кажется, все...

Р и ч а р д (*гордо*). Я нет! (*Захлебываясь.*) Утром удрал из больницы. Это — раз. По дороге догнала меня машина. Это — два. В той машине меня расспросили, как проехать сюда. У поворота встретил двух женщин, они шли босиком, держа в руках туфли, как в дождь. За ними, опираясь на палку, шел тот самый... Зачем я тебе это рассказываю?

А й г у л ь. От долгого молчания...

Р и ч а р д. Нет, не потому. Я растягиваю время. Я побежал вперед, чтобы предупредить тебя... Иначе могло разорваться твое сердце...

А й г у л ь (*вдруг догадавшись*). Мама приехала? Да?

Р и ч а р д. Как ты догадалась?

А й г у л ь. Мама! Где же она — моя мама?

Р и ч а р д. На подступах к дому!

А й г у л ь. Ричард Галин, а если снова это только сон?

Р и ч а р д. Нет, это явь! Еще какая явь!!

А й г у л ь. Мама, дорогая моя! (*Бежит к воротам, затем в волнении возвращается и прячется за дубом.*) Даже не верится! Отчего я так дрожу? Приехала моя мама, а говорят — чудес не бывает. Бывает! Бывает! (*Бросается к воротам, но возвращается и становится за дубом.*) Нет, не могу. Боюсь, боюсь!

Входит Я б а г а е в, вместе с Ричардом они встречают З у л ь х а б и р у с П и к к и о. Войдя во двор, Зульхабира стоит как зачарованная.

Я б а г а е в. Добро пожаловать, ханум! Пожалуйста, товарищ...

П и к к и о. Grasio! ¹ Я есть товарищ Пиккио, Карло Пиккио! Италияно, Милано! А вы есть синьор Ягафар Муратшин!

Я б а г а е в *(мотя головой)*. Наоборот. Я есть Кадирян Ябагаев.

З у л ь х а б и р а. Где моя дочь? Где моя Айгуль?

А й г у л ь *(из-за дуба)*. Я здесь! Я здесь! *(Выскакивает и хочет броситься на шею матери, но останавливается. Протягивает руку, чтобы поздороваться.)* Здравствуй, ма... ма.. Ма-ма!

З у л ь х а б и р а *(плача)*. Доченька моя, дитя мое, маленькая моя... Ты ли это? Конечно, ты! Конечно, ты! *(Протягивает вперед руки, чтобы заключить в объятия дочь, и чуть не падает без чувств.)*

Пиккио успевает поддержать ее.

Боже, не думала, что доживу до этого дня! Незаживающая рана сердца моего, кровинушка! *(Рыдая, обнимает Айгуль.)*

А й г у л ь *(прижавшись щекой к ее груди.)* Ты такая же, как на карточке... Вернулась! Домой вернулась! Я же сказала, что мир не темный лес. Ричард Галин, подойди поздоровайся с моей мамой!

Р и ч а р д. Мы уже познакомились.

А й г у л ь *(показывая на Ричарда)*. Это мой друг, мама. Мы вдвоем писали то письмо. Целый год оно искало тебя...

З у л ь х а б и р а. Какое письмо, доченька?

А й г у л ь. Оно было адресовано не тебе, а всему человечеству.

З у л ь х а б и р а *(не поняв, о чем идет речь)*. Ах, родная, письма идут медленней, чем годы. Часто они совсем не доходят... Ненаглядная моя! Когда я уезжала, ты глядела из окна мне вслед. Вот этими пальчиками звала обратно... Тринадцать лет прошло. Мадонна, как я не сошла с ума!

П и к к и о. Синьора Зульхабира! Надо успокоиться.

З у л ь х а б и р а. Да-да! Ты прав! Я уже прихожу в себя. *(Вытирает глаза.)* Кажется, я не плачу, гляжу — слезы льются.

А й г у л ь *(что-то вспомнив)*. А где же дядя? *(Выскакивая из материнских объятий, бежит к воротам.)*

¹ Спасибо! *(ит.)*

Дядя! Дядюшка! Мама вер-ну-лась! Го-о-ры! Ле-са! Слышите ли вы: вернулась ма-ма! (*Подходит к Ричарду.*) Обращение к человечеству написал ты. Легкой оказалась твоя рука. Спасибо тебе, Ричард Галин! (*Ябагаеву.*) Спасибо и вам! (*Подходит к Пиккио.*) И вам... (*Увидев медвежью шкуру на плетне.*) Только лишь Тыйнак не смогла, бедняжка, увидеть эту радость...

Со стороны гор раздается голос Я г а ф а р а: «Ого-го-го! Иду-у!» Подпрыгивая на деревянной ноге, появляется он сам.

Я г а ф а р. Зулъхабира! Сестра! Сестричка! Маленькая бѣтчего гнезда! Живая! Здоровая! Вот радость-то! (*Не дойдя до сестры, спотыкается и падает.*) Беда с чертовой деревяшкой! Горе одно!!

Ябагаев и Пиккио помогают ему встать.

Зулъхабира. Брат мой! Родной, родненький! Мой единственный брат! (*Обнимаются, целуются.*) Колючий, как еж, и мягкий, как ягненок, мой брат! Ты все такой же!

Я г а ф а р. Оторванную ногу я вспоминал изредка, а тебя — что ни день! (*Его душат слезы.*) В наших думах мы тебя не теряли, ни на час не теряли. Где жизнь, там и надежда. Верили, что разыщется, вот и нашлось... (*Голос его дрожит.*) Милая, добрая моя сестра.

П и к к и о. Потерялась одна, а нашлись двое. (*Показывает на себя.*) Вы синьор Ягафар Муратшин?

Я г а ф а р. Синьор так синьор, он самый — Муратшин!

П и к к и о. Я Пиккио. Ипташ — товарищ Карло Пиккио. Итальяно, Милано. Коммерсант. (*Протягивает визитную карточку.*) Пожалуйста, моя визитная карточка!

Зулъхабира (*к Пиккио*). Оставь покуда свою карточку, Карло! Ягафар! Доченька! Это Карло Пиккио — мой муж! Он хороший человек. Мы приехали из Италии, из Милана. Очень ненадолго.

А й г у л ь (*ошеломлена*). Как — ненадолго? Мамочка, что ты говоришь?

Зулъхабира. Это воля судьбы, доченька.

Я г а ф а р. Судьбу оставим на потом. Давайте не будем омрачать радость встречи. Поживем — увидим. Всему свой срок! Наступит печаль — будем печалиться, а сегодня — праздник. Пожалуйста в дом! Айгуль, открой гостям двери!

Айгуль бежит и распахивает дверь в дом. Я б а г а е в удаляется со двора. Остальные, кроме Ричарда, входят в дом.

Р и ч а р д. Что-то будет? (*Переводя взгляд на чемоданы, с грустью в голосе.*) Итальяно, Милано, коммерсант... Милано, итальяно, коммерсант...

Гаснет свет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Обстановка предыдущей картины. Солнечное утро. В купах деревьев голубеет дымка тумана и светит солнце. К а р л о П и к к и о сидит на пороге дома, чуть поодаль, на чурбане, Я г а ф а р. В руках у Пиккио старинный лук и стрелы. Он куда-то целится из лука. Ягафар вьет веревку.

П и к к и о. Хорошо! Buone journe!¹ У нас в Альпах бывают точно такие рассветы. Туман, солнце... Во время войны я держал мельницу в горах... До переезда в Милано...

Я г а ф а р. А я вчера так понял, что вы во время войны партизанили в горах...

П и к к и о. Вино, которое мы вчера пили, немножечко вскружило мне голову... В мемуарах бывают гиперболы... Я боролся с фашистами. Не с оружием в руках, я бил врага своей мельницей!

Я г а ф а р. Мельницей?

П и к к и о. Для партизан возил муку и хлеб... Почти бесплатно... Почти совсем даром. Я — Пиккио-интендант. Так меня и звали: «Карло Пиккио-интендант». Советские тоже участвовали в нашем Сопротивлении.

Я г а ф а р. Знаю...

П и к к и о. Пять тысяч ваших было... Погибли многие... Я хлеб возил... Интендант...

Я г а ф а р. На войне интенданты тоже нужны...

П и к к и о. О синьор! У того, кто стреляет (*прицеливается из лука*), одно ружье на две руки... Ба-бах — и пошел...

Я г а ф а р. Куда пошел?

П и к к и о. Вперед пошел... А ты грузи мешки, догоняй его...

Я г а ф а р (*с мягкой иронией*). Сочувствую. Трудно вам было, синьор! Ох как трудно...

¹ Добрый день! (*ит.*)

П и к к и о. И опасно... Но я шел на риск... (*Замечает шкуру медведя на ограде.*) О, вы убили медведя? Какая большая шкура! Сколько она стоит?

Я г а ф а р. Нравится?

П и к к и о. О синьор! Очень, очень нравится! Как говорят у вас — «до смерти люблю». До своей смерти люблю медвежьей шкуры...

Я г а ф а р. Если любите — берите!

П и к к и о. Просто так, совсем так? Бесплатно?

Я г а ф а р. Мой подарок...

П и к к и о. Это (*показывает лук и стрелу*) тоже ваш презент. Айгуль подарила полотенце такое красивое. С этим, как оно?..

Я г а ф а р. С вышивкой.

П и к к и о. Да-да, вышов-кой. Просто так... За то, что оно мне до смерти понравилось... Мне очень стыдно...

Я г а ф а р. Если шкура нравится — берите, а то вдруг я раздумаю...

П и к к и о. Нет-нет, не надо раздумывать. Сказанное слово — выпущенная стрела. (*Натягивает тетиву.*) Беру! Принимаю! Спасибо! Grasio! Будем считать, что шкура моя!

Я г а ф а р (*поднимаясь*). Пойду спутаю коня. Когда кусают слепни, может уйти далеко.

П и к к и о. Если нужно помочь, я ваш слуга!

Я г а ф а р. Благодарю. Сам справлюсь.

П и к к и о. Чао! (*Снимает с изгороди медвежьей шкуру, пробует накрыться ею. Утопает в шкуре.*) Не подходит. Медведь из меня не получится, может получится небольшой волк. Я положу ее в гостиной на пол и буду ходить по ней, как миллионер. Не обязательно самому убить медведя, чтобы ходить по медвежьей шкуре... Тут живут добрые люди. Они очень щедрые, словно волшебники. Что понравится мне, Карло Пиккио, — сразу дарят. Надо, Карло, умерить свой аппетит. (*Вешает шкуру на прежнее место.*)

Входит Р и ч а р д. В руках ведро.

П и к к и о. О молодой синьор! Вчерашний спутник. Салют!

Р и ч а р д. Здравствуйте, господин!

П и к к и о. Не господин, а синьор. Давайте познакомимся поближе.

Р и ч а р д. Я вас знаю: итальяно, Милано, коммерсант синьор Карло Пиккио.

П и к к и о. Правильно. Совершенно правильно. Вот вам моя визитная карточка. Если приедете в Милано (*дает ему визитную карточку*), пожалуйста, прямо ко мне! А кто вы, синьор?

Р и ч а р д. Я Ричард Галин!

П и к к и о. Ричард? Значит, вы англичанин, шотландец, ирландец? Я слышал о Ричарде Первом, у него было львиное сердце, а Ричард Третий был нехорошим человеком, он убил своих племянников. А вы какой Ричард?

Р и ч а р д. Башкирский, Уральский, Кусэрбайский. Не король, а рыбак!

П и к к и о. Не огорчайтесь! Не обязательно всем Ричардам быть королями.

Р и ч а р д. Синьор Пиккио, у меня нет при себе визитной карточки. Я могу вам вручить мою фотокарточку, адрес я напишу на обороте. (*Достает фотокарточку и, написав на обороте адрес, вручает ее.*) Вот — держите!

П и к к и о. Grasio! Ричард Первый. Башкирский. Рыбак! Будем друзьями! (*Замечает рыбу в ведре Ричарда.*) Живая рыба? Как зовут?

Р и ч а р д. Карась!

П и к к и о. Карась Первый. Золотой! Башкирский. Какой у него адрес?

Р и ч а р д. Голубое озеро.

П и к к и о. Сколько стоит?

Р и ч а р д. Что — сколько стоит?

П и к к и о. Карась Первый.

Р и ч а р д. Вам понравилась моя рыба?

П и к к и о. Но, но! Не нравится! Она понравится, когда скажете цепу!

Р и ч а р д. Если нравится — берите! В подарок!

П и к к и о. Нет-нет! Подарок — нет! Я не могу сдерживать свои желания. Что вижу — все хочется. А как его? Этого... со-бо-лазна много.

Р и ч а р д. В честь нашего знакомства прошу принять мой подарок!

П и к к и о. Ну, если в честь знакомства! Но в последний раз! Спасибо, синьор Ричард Галин! (*Кричит.*) Синьора Зульхабира! Я поймал золотую рыбу! (*Забирая лук и ведро с рыбой, уходит в дом.*)

Р и ч а р д. Зачем я сунул ему свою фотокарточку?

Может, глупо это? (*Махнув рукой.*) Да ладно! (*Уходит в дом.*)

Появляются женщины селения: З а л и ф а, Б а н а т, Г у л ь с а р а, М и н л е к а й. Они в праздничных национальных костюмах. Видно, оделись так, сговорившись.

З а л и ф а. А не зря ли мы все затеяли? Пожаловали целой оравой, чтобы поглядеть на одного буржуя.

М и н л е к а й. В жисть не видела живого буржуя. Интересно, какой он?

Б а н а т. Говорят, итальянцы с немцами были заодно.

Г у л ь с а р а. Значит, наши мужья сложили свои буйны головы и под их пулями.

Б а н а т. Выходит, так!

Г у л ь с а р а. Солдатские вдовы мы — чего нам здесь надо?

З а л и ф а. Посидим уж, коли пришли.

М и н л е к а й (*вздыхнув*). Интересно, говорят ли буржуи своим женам: «Душа моя ненаглядная». Когда мой уходил на войну, обнял меня вон под той черной скалой и шепнул так ласково: «Душа моя ненаглядная». Ой, даже вспомнить сладко.

З а л и ф а (*оглядываясь*). Ты не очень-то откровенничай, а то еще услышит этот приезжий. Неловко...

М и н л е к а й. А что тут неловкого... Не чужого вспоминаю — своего. Одна разница: каждая из вас в себе сокровенное затаила, а я уж и таить не в силах. Коротка была радость, да на весь мой бабий век.

Б а н а т (*в тоске*). Да, недоласканы мы. Скалу и ту солнышко греет...

М и н л е к а й. Помню, остались мы с моим ночевать после сенокоса на лугу. Всю ночь дождь шел, а на меня и капельки не упало...

З а л и ф а. Уймись, о таком вслух не вспоминают...

М и н л е к а й. А мне больше не о чем...

Г у л ь с а р а. Соседка моя видела вчера, как они на машине прикатили. Усики, говорит, у того господина тоненькие, как мышиный хвост.

М и н л е к а й. Кто о чем, а Гульсара об усиках...

З а л и ф а. Будет тебе...

М и н л е к а й. Все, все, милая...

З а л и ф а. Сердце у меня разрывается. Думаю о Зульхабире.

Г у л ь с а р а. И у меня из головы нейдет она.

Б а н а т. Только, чур, виду не подавать. Как уговорились!

Из дома выходят Р и ч а р д и П и к к и о.

П и к к и о (*замечает женщин*). О синьорины! Здравствуйте!

Р и ч а р д. Они не синьорины, а женщины из нашего аула.

П и к к и о (*женщинам*). Будем знакомы. Я Карло Пиккио! Вот моя визитная карточка. Это — вам (*раздает визитные карточки*), это — вам, это — вам. Пожалуйста! Если приедете в Италию в Милано, милости просим. Я и синьора Зульхабира будем рады.

М и н л е к а й. Говорит — карточка, а портрета ни спереди, ни сзади. Потеха!

Г у л ь с а р а. Латинские буквы. Это ваш адрес?

П и к к и о. Да-да, латино. Мой адрес!..

М и н л е к а й (*тихо*). Я буржуев только в газетах на рисунках видела. Что-то он не похож на тех.

З а л и ф а. Из них многие отощали.

Ричард незаметно уходит.

Г у л ь с а р а. Господин Пиккио, я в ближайшее время не собираюсь за границу. Возьмите, пожалуйста, вашу карточку. Она пригодится тому, кто раньше поедет в Италию.

П и к к и о. Очень жаль, что вы не собираетесь в Милано. Я от чистого сердца.

М и н л е к а й. Я тоже... (*Отдает карточку.*) Если поеду, и без карточки найду вас. У меня язык страсть какой бойкий! А вы, значит, муж Зульхабири?

П и к к и о. Да-да! Она моя жена. А я предприниматель. По-вашему, «маленький буржуй». Но я был в партизанах, я есть демократ.

З а л и ф а (*с иронией*). Вон оно что!

П и к к и о. Я прошу извинить мою жену. Она заставляет вас ждать. Синьора ушла с Айгуль в горы. Сейчас-сейчас вернется. А вы ее подруги? Я не имею честь знать вас в лицо, но я знаю ваши имена. Хотите, я назову их?

М и н л е к а й. Интересно. Значит, она рассказывала о нас?

П и к к и о. Очень, очень часто... Самая близкая подруга... До самого гроба — Залифа. Залифа — раз!

Залифа опускает голову.

Потом — Банат! *(Считает на пальцах, при каждом имени загибая палец.)* Банат, говорила она, — значит крылья!

М и н л е к а й. Талмас Канат — неутомимые крылья, то есть проворная, работающая!

П и к к и о. Талмас Канат, крылья — два!

Банат закрывает лицо руками.

Салима — три, Фания — четыре, Фания — четыре...

М и н л е к а й *(подсказывая)*. Минлекай...

П и к к и о. Grasio! Минлекай — пять... Гульсара — шесть... Всего восемь или девять штука...

М и н л е к а й. И вправду всех знает...

Г у л ь с а р а. Тоскует, видать, Зульхабира, беденькая, на чужбине.

П и к к и о. Да! Много-много тоскует! Синьора Зульхабира привезла вам всем подарки. Красивые сувениры.

З а л и ф а. Не пора ли нам, бабы, по домам!

Женщины собираются уходить.

П и к к и о *(встревожен)*. Синьоры! Подождите еще один момент, а то Зульхабира будет плакать. А у Карло Пиккио пропала голова!

М и н л е к а й. Голова пропадет — останется шея.

В воротах появляются З у л ь х а б и р а и А й г у л ь.

П и к к и о. Шея, шея... *(Обрадованно.)* Две шеи.

З у л ь х а б и р а *(радостно)*. Подружки мои милые! Ой, как я соскучилась по вас! *(Раскрывая объятия, кидается к женщинам.)* С кого и начать, не знаю!

З а л и ф а *(опустив голову, сухо протягивает руку)*. С приездом!

З у л ь х а б и р а. Что случилось, Залифа? Ты чем-то обижена?

З а л и ф а. Сколько времени прошло, синьора!

З у л ь х а б и р а *(опечаленно)*. А ты, Минлекай, тоже забыла меня?

М и н л е к а й. С виду бы ты...

З у л ь х а б и р а. Гульсара, Гульсара, родная! Неужто и ты запамятовала?

Г у л ь с а р а (*расплакавшись*). А разве я виновата?

Б а н а т. По дыму в бане пару не угадаешь...

З у л ь х а б и р а. Банат, дорогая! Банат — неутомимые крылья, что ты говоришь! О Санта Мария!

Б а н а т. Вот-вот! Санта Мария! Папа Римский!

З у л ь х а б и р а (*совсем растерявшись*). Вы шутите, конечно. Конечно, шутите! Вы, чертовки, разыгрываете меня, как в молодости! Ну, хватит! Хватит, умоляю вас! Жестоко так шутить! Шутите, да не зашучивайтесь...

Б а н а т. А мы всерьез!

З у л ь х а б и р а (*растерянно*). Что за наваждение? Кошмар какой!

Айгуль поражена, не верит ушам своим.

П и к к и о. Синьорины! Пожалуйста, вспомните! Постарайтесь вспомнить Зульхабиру! Только девичья память короткая...

З у л ь х а б и р а (*к Пиккио*). Иди, Карло, ступай, друг мой! Оставь нас наедине. Мы сами объяснимся.

П и к к и о. Хорошо! Хорошо! Я ухожу! (*Уходит на цыпочках.*)

З у л ь х а б и р а (*женщинам*). Вот теперь мы одни. Скажите, что случилось?

М и н л е к а й. Ничего не случилось...

Г у л ь с а р а (*со слезами*). Ничего особенного...

Б а н а т. Многое запомнили.

З у л ь х а б и р а (*Залифе*). Не в соседних ли домах мы выросли, вместе в куклы играли. Ты была мне сестрой названной. Это ведь я на твоей свадьбе так плясала, что ногу вывихнула.

З а л и ф а. Все было, да вроде забыла...

З у л ь х а б и р а (*к Банат*). Вспомни, Банат, однажды, когда нам минуло лет по двенадцати, напал на нас мальчишка с палкой. Ты отняла у него палку и отхлестала его... А потом ты вышла замуж за этого мальчишку...

Б а н а т. Мальчишку помню и как замуж выходила помню...

З у л ь х а б и р а (*к Минлекай*). А ты, Минлекай, была мастерица кружить головы парням. (*Смеется.*) Разве не так? А вот жениха своего златоустого приревновала, помнится, ко мне. Без причины приревновала. Потом мы обе смеялись над этим происшествием. У вас в саду под раскидистым вязом. Тот вяз-то, наверное, и поныне зеленеет?

М и н л е к о й. Высох. В прошлую зиму срубили на дрова.

З у л ь х а б и р а (*Гульсаре*). Неужели и ты забыла, как мы катались по озеру, собирая кувшинки? Потянувшись за цветком, ты упала из лодки и стала тонуть, Гульсара?

Г у л ь с а р а. Я.

З у л ь х а б и р а. А кто тебя спас?

Гульсара плачет, громко всхлипывая.

Б а н а т. Хватит! Остановись! Мы не каменные! И у нас сердца не за семью печатями. Да обидно нам...

А й г у л ь (*выскакивая на середину*). Тетя Банат, ведь это моя мама! Зачем делаешь вид, что не узнаешь ее? Не ты ли третьего дня еще сказала мне сама при встрече: «Очень, Айгуль, ты стала похожа на свою мать». (*Остальным.*) Все вы мне твердили из года в год, напоминая: «Твоя мать была умницей и красавицей, доброй и славной. Ты должна во всем походить на нее». Не вы ли это мне говорили? Что же сейчас вы встречаете мою маму, как чужую, а?

Женщины растерянно молчат. Гульсара плачет. Долгая пауза.

З а л и ф а (*не спеша подходит к Зульхабире*). Чем к огню ближе, тем жарче, чем к сердцу ближе, тем больнее. Мы простые деревенские бабы, солдатские вдовы и белый свет делим на две части: родину и чужбину, любовь — на верность и неверность, людей — на своих и чужих. Первый твой муж, родной твой муж, погиб там, где и наши. Ты уехала в другую страну и вышла замуж за господина. Это твое личное дело, но обидно нам, что променяла ты родную землю на чужую, нас, подружек юности, — на заграничных богатеек. Быть может, не все дано нам понять, но словно есть на свете две Зульхабиры: одна — моя названная сестра, а другая — приезжая синьора. Не обесудь уж!

Б а н а т. Пора нам, бабоньки! Не путешественницы мы, нас работа ждет.

М и н л е к а й. Только работа и ждет, больше никому.

Женщины собираются уходить.

З у л ь х а б и р а (*яростно*). Нет! Погодите, судьи! Прокурора выслушали, выслушайте и защиту! Вы судите меня за что? За мои муки, страдания, за мои раны и слезы, судите за то, что осталась жива, пройдя через сто смертей?

Справедлив ли ваш приговор? А вот это вы видели? (*Раздирает рукав платья.*) Это фашистское клеймо. Поставлено оно раскаленным железом.

З а л и ф а (*с пронзительным криком*). Ой!

Г у л ь с а р а (*со слезами*). О боже!

З у л ь х а б и р а. А чего только не было до этого тавра и после него... Хотите или не хотите, но вы обязаны выслушать меня! Подсудимый имеет право на последнее слово. Таков закон!

Г у л ь с а р а (*рыдая*). При чем тут закон... Я тебе не судья...

З у л ь х а б и р а (*спокойно*). Получив сообщение, что Сабир смертельно ранен, я кинулась на фронт. Приехала, а он уже в земле. Ночь напролет просидела у его могилы. Не плакала, не причитала. Вокруг рвались снаряды, пули свистели, а мне не страшно ничуть. На рассвете вроде как очнулась, глаза подняла — немец передо мной, автомат на меня нацелил. Тут я и поняла, что наши отошли и враг в село ворвался.

М и н л е к а й. У меня бы сердце разорвалось.

З у л ь х а б и р а. Попала я в неволю. Женщин сотнями загнали в вагоны, в каких скот возят, и повезли... Долго ехали. От духоты, голода и жажды многие умерли. Умерли стоя, ибо не было места для того, чтобы умирать лежа.

З а л и ф а. Ужас-то какой!

З у л ь х а б и р а (*продолжая*). Загнали нас на завод. В горах он был. Худшей каторги не придумаешь. Выбрав удобный случай, совершила побег. Поймали быстро. Били плетью и выжгли на руке вот это клеймо. Через три месяца бежала снова, уже не одна — с подружкой. Собак пустили по нашему следу. Схватили, избивали до полусмерти и поставили второе клеймо. (*Распахивает ворот.*) Вот

Г у л ь с а р а. А-а! (*В ужасе закрывает лицо.*)

Б а н а т. Нелюди!

З а л и ф а. На такого ангела поднять руки! Изверги!

З у л ь х а б и р а. В начале лета бежали втроем: сербка Иванка, чешка Ростислава и я. Бог был милостив на этот раз. По звездам определяли дорогу на юг — на Италию. Шли двенадцать дней. Сперва потеряли Иванку, ее, обессиленную, унес поток. Потом Ростислава сорвалась в пропасть.

М и н л е к а й. Несчастные...

Г у л ь с а р а. Перед такими страданиями и ад раем покажется...

З у л ь х а б и р а. Дальше шла как в бреду. Ничего не соображая. Упала без чувств. Нашел меня мельник, привез к себе домой, там я очнулась.

М и н л е к а й. Он тебя не выдал?

З у л ь х а б и р а. Нет, он оказался хорошим и честным человеком. Вы его только что видели. Через несколько лет он стал отцом моей дочери Залифы и сына Джузеппе... Все... Выносите приговор.

Долгое молчание. Каждая о чем-то думает.

Б а н а т. Печальная повесть...

М и н л е к а й. Да, невеселая, но конец у нее, как в той сказке, про мачеху и падчерицу... *(Зульхабире.)* Ушла ты простой крестьянкой, женой красноармейца — возвращаешься госпожой, женой богатея...

З у л ь х а б и р а. Не мой грех, что так получилось. После войны Карло неожиданно разбогател...

З а л и ф а *(подходит к Зульхабире, прикрывает ее открытую грудь)*. Твоя судьба ужасна. Во сне такое привидится — не забудется вовек, а тут наяву! Страшно подумать, но и жить на чужбине не приведи господь...

М и н л е к а й. Чужбина горем посеяна, слезами полита, печалью огорожена. Зачем с мачехой жить, когда мать родная есть?

Б а н а т. Как не худо, а своих на чужих не меняют...

Г у л ь с а р а. Легко сказать, нелегко доказать... *(Плачет.)* Мы, бабы, злые, бессердечные, жестокие. Бульжники у нас вместо сердец!

Б а н а т. Может, и так! Мягкая глина бывает от рождения, да, обожженная огнем, твердой становится. Гончарная времени обожгла нас. Ох, как обожгла! Где мужики наши? Их убили пришедшие с запада. Из-за них твой брат ковыляет на деревянной ноге! Холод закрался в нашу вдовью кровь, и согреть нас некому. *(Чуть не плача.)* Не суди нас строго, и мы хватили лиха. Нам друг друга не утешить. Много ты натерпелась, конечно, но скажу я тебе все равно: лучше бы ты не приезжала...

З у л ь х а б и р а. В своей деревне — все лебеди, а в соседней — одно воронье. Так, по-вашему? Как же нам быть?

З а л и ф а. Откуда я знаю... Буйно встретились, не лучше ли...

З у л ь х а б и р а. Что?

З а л и ф а. Тихо пощипаться...

З у л ь х а б и р а. Как чужим?

Б а н а т. Нет, как зрелость прощается с юностью, без злобы, но с грустью.

З у л ь х а б и р а. Я привезла вам подарки. Взяли бы на память. Подождите, сейчас принесу... *(Ее душат рыдания.)*

З а л и ф а. Не надо... Мы и без подарков все будем помнить...

Все четверо, опустив головы, уходят со двора. С улицы раздаётся их приглушенный плач.

З у л ь х а б и р а *(бледная, растерянная)*. Ушли, словно простились с покойником.

А й г у л ь *(прижавшись к матери, стараясь ее утешить)*. Мамочка, они не злые, они очень добрые...

З у л ь х а б и р а *(обнимая дочь)*. Земля родная, разве я думала, что еду на муку? Разве я думала, что стану проливать на тебя горькие слезы? Летела в родное гнездовье, а сестры не признали меня и заклевали. Ожидаемые страхи растаяли, как облака, а неожиданные обвалом обрушились на мою голову. Там пугали советскими законами — тюрьмой, лагерями, а здесь покарали меня обида и презрение самых близких людей. Что же мне делать? Где же правда, доченька моя? *(Плачет навзрыд.)* Я думала утолить печаль, а меня встречают, как блудную сестру. Хоть ты не покидай меня! Молю тебя, дитя мое, не покидай!

А й г у л ь *(становится перед матерью на колени)*. Не плачь, мама, не плачь, моя хорошая, лучше потом за все, за все сразу поплачем...

З у л ь х а б и р а. Телесные раны терпимы, а душевные убивают. Ох, как убивают...

А й г у л ь *(гладит голову матери, утешая ее, и глядит на небо)*. Мама, а в Италии небо какого цвета?

З у л ь х а б и р а. Небо везде одинаково. Только судьбы разные...

А й г у л ь. Неужели такое же высокое и голубое, как здесь?

З у л ь х а б и р а. Увидишь, когда туда приедешь...

А й г у л ь. На картах Италия имеет вид сапога с высоким каблуком. В каком месте этого сапога вы живете: на голенище ли, на головке или на каблуке?

З у л ь х а б и р а. На голенище...

А й г у л ь. В итальянских фильмах или поют, или ссорятся. А в жизни как там бывает?

З у л ь х а б и р а. В жизни как в жизни: больше ссорятся, чем поют.

А й г у л ь (*неожиданно серьезно*). Мама, а где могила отца?

З у л ь х а б и р а. На Украине. На восточном склоне степного кургана.

А й г у л ь. Травой забвения, может, этот курган зарос?

З у л ь х а б и р а. Люди забывают не только мертвых, но и живых.

А й г у л ь. Я ничего не имею против синьора Пиккио. Но все же, мама, постарайтесь не забывать моего отца. Хорошо?

З у л ь х а б и р а. Когда в Италии ты будешь рядом со мной, глаза твои не дадут мне забыть его...

А й г у л ь. Чтобы не забывать моего отца, ехать в Италию совсем не обязательно, мама!

З у л ь х а б и р а. Преодолев сорок преград, приехала я сюда. Ведь я приехала за тобой, доченька!

А й г у л ь. А что, если я не поеду?

З у л ь х а б и р а. Это невозможно!.. Я добилась решения... Такого случая больше не будет...

А й г у л ь. В первый же день твоего приезда я догадалась, что ты приехала за мной. Не сетуй, не обижайся, — сказать «да» я покуда не могу. От мысли, что я должна уехать в другую страну, мне становится очень грустно. Грустно и тревожно. С кем бы мне посоветоваться?

З у л ь х а б и р а. Конечно, со мной! Кто же тебе ближе, чем родная мать?

А й г у л ь. Нет, в этом деле ты, к сожалению, не можешь быть советчицей. Не можешь. Вот разве что дядюшка? И еще Ричард Галин. Все свои семнадцать лет я прожила с ними рядом.

Входят Я г а ф а р и Р и ч а р д. У Ягафара под мышкой медвежонок.

Я г а ф а р. Вот и мы вернулись. (*Показывает на медвежонка.*)

А й г у л ь. Это ты, Тыйнак-детеныш...

Я г а ф а р. Он самый. На, Ричард, отнеси в дом.

А й г у л ь. Заблудившийся медвежонок вернулся, а я должна уехать...

Я г а ф а р. Посто́й! Посто́й! Как — уехать? Куда?

З у л ь х а б и р а (*нервно*). Да, я хочу забрать свою дочь. Даже птица собирает птенцов своих под одно крыло.

Я г а ф а р. Что же ты, сестра, сразу о том не сказала? (*Разводя руками.*) Как гром с ясного неба.

З у л ь х а б и р а. Тринадцать лет ждала, тринадцать лет рвалась сюда. Пойми, Ягафар, я — мать! Айгуль — первенец мой! Моих печалей и страданий на три жизни хватило бы с лихвой. Сил больше нет! Без Айгуль жить не смогу!

Я г а ф а р. А я? Останусь один-одинешенек. Зачем же я жил тогда? Ради чего? Нога у меня, правда, деревянная, но деревом сердца не заменишь.

Р и ч а р д. А я? А я как же?...

З у л ь х а б и р а (*Ягафару*). Брат мой единственный, родненький ты мой, легче на плаху взойти, чем вести этот спор. Ты сильный и умный. Молю тебя: не надо этой тяжбы. Зов крови сильнее разума. На моей стороне право матери.

Я г а ф а р (*спокойно*). Не из тех я, сестра, кто способен на тяжбы. Можешь и долю мою не брать в расчет, но есть еще право родины. Она ведь тоже мать.

З у л ь х а б и р а. У нее хватает дочерей и без Айгуль...

Пауза.

Я г а ф а р. Пусть решает сама Айгуль. Она уже большая...

А й г у л ь (*Ягафару*). Ты, дядюшка, прав: я должна сама все решать, сама. (*Зульхабуре, которая стоит, закрыв лицо ладонями.*) Ты не плачь, мамочка, я не могу больше жить с тобой врозь. (*Ягафару.*) Прости, дядюшка, прости!

Гаснет свет.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Светает. Пересвистываются птицы. Посторонний человек в окружении света. В окне дома мерцает слабый желтый луч.

Посторонний человек. Светает. Птицы защебетали. Младенческая, непорочная пора суток. Рождается новый день. Иные влюбленные еще не расстались, а чья-то мужская голова еще в блаженном сне покоится

на женской груди. Мысли молодых устремлены в будущее, а моя душа еще в плену прошлого. Бремя памяти — нелегкое бремя. Лет девятнадцать тому... Да, девятнадцать лет. Был такой же безмятежный рассвет за тяжелыми шторами прокуренной комнаты. Трое мужчин с пепельно-тусклыми лицами и темными подглазьями в той комнате судили четвертого. Вначале сказали ему: «Садитесь, гражданин Муратшин!» А гражданин Муратшин продолжал стоять. Тогда послышалось снова: «Садитесь, гражданин...» Он обреченно опустился на стул. Двое из трех судей, торопливо и безвольно поверив вымыслу обвинения и трусливому свидетельству запуганных послухов, вынесли приговор, не сомневаясь в том, что добросовестно исполнили свой долг. А третий из судей доподлинно знал, что в бумагах обвинения нет правды и подсудимый ни сном ни духом не виновен перед властью. Он был другом обвиняемого. Первый из судей сказал: «Виновен!» «Виновен», как эхо, отозвался второй. А третий — промолчал. Даже головой не кивнул. Перед его глазами в эту минуту предстала жена подсудимого и сын его. Он промолчал. Просто — промолчал. «Уведите осужденного!» — сказал конвоирам первый судья. Муратшина увели.

Посторонний человек исчезает. Проклонувшийся свет озаряет комнату. Я г а ф а р сидит за столом. Я б а г а е в стоит у дверей. А й г у л ь, закутавшись в одеяло, сидит на кровати.

Я г а ф а р. В третий раз говорю: садитесь, гражданин Ябагаев!

Я б а г а е в. Можно сесть, а можно и постоять.

Я г а ф а р. Садись!

Я б а г а е в (*присаживаясь*). Наверно, думаешь: «Откуда взялась эта нечистая сила?»

Я г а ф а р. Не ошибся...

А й г у л ь (*Ягафару*). Я должна тебе кое-что рассказать о Кадириян-агае!

Я г а ф а р. Повремени. Ты однажды спросила: «Кто он?» Вот я и разбудил тебя, чтобы ответить на этот вопрос. Сиди и слушай.

Я б а г а е в. Я тебя ищу с довоенного тридцать девятого года. С той поры, как вышел ты на свободу, доказав невиновность свою. Много раз я писал тебе, но письма неизменно возвращались...

Я г а ф а р. Я не имел охоты их читать. Ты не существовал уже для меня. Призраки гибнут при свете.

Я б а г а е в. Не только к твоему, но и к моему сожалению, я еще жив.

Я г а ф а р. Если бы был мертв, может, и я бы тебя пожалел.

Я б а г а е в. Поимею в виду...

Я г а ф а р. За чем же пришел? Чего тебе надо?

Я б а г а е в. Прощения. Отпущения грехов... Прости... Девятнадцать лет места себе не нахожу. Не живу, а мучаюсь.

Я г а ф а р. Ишь как просто: прости. Ты ведь не мальчишка, разбивший окно.

Я б а г а е в. Грех не по лесу ходит, а по людям. Я был причастен к тому, что разбилась жизнь твоя. Лихие годы унесли твою жену и единственного сына...

Я г а ф а р. Мина замедленного действия, поздно ты опомнился и стал понимать, что не всегда молчание — золото.

Я б а г а е в. Нет, давно понял, потому и разыскивал тебя столько лет.

Я г а ф а р. Не меня ты, очищения совести ищешь, покоя душевного.

Я б а г а е в. Твоя правда.

Я г а ф а р. Загрызла совесть?

Я б а г а е в. Не волчица, а загрызла.

Я г а ф а р. Коли правду говорить, то я поначалу не судил тебя строго. «Разве он один такой?» — думал я. А потом рассудил здраво и взъярился: непотворение злу порождает зло. Ты был тем «третьим», который встал между истиной и ложью, между «да» и «нет». Ох, эти третьи. Вы «третьи» — недуг времени, беда его. Много вас было...

Я б а г а е в. Не мне считать их... Ты сними камень с души моей. Прости великодушно. Ведь я не сказал тогда: «Винювен».

Я г а ф а р. А разве ты сказал: «невиновен»?

Я б а г а е в. Слаб человек: не сказал. А когда бы сказал, то оказался бы там, где ты. Ради детей своих и жены промолчал, хотя потом они отреклись от меня.

А й г у л ь *(вскакивает)*. О невиновном вы не сказали, что он невиновен? Промолчали? Не защитили оклеветанного?

Я б а г а е в *(склонив голову)*. Не сказал, не защитил, промолчал.

А й г у л ь. Эх, вы! *(Что-то вспомнив.)* Да разве вы один такой...

Я г а ф а р *(с напускной строгостью)*. Сейчас же нырни в свою берлогу, медвежонок!

Я б а г а е в *(Ягафару)*. Я раскаялся. Проклял самого себя и жизнь свою непутевую... А те? А те что?

Я г а ф а р. Кто — те?

Я б а г а е в. Те!

Я г а ф а р. Кто? Те двое?

Я б а г а е в. Нет! Те, кто строчил ложные доносы на своих товарищей, братьев, даже на своих отцов...

Я г а ф а р. Хочешь сказать, что есть гнуснее тебя?

Я б а г а е в. Дело не в том. Иные из них живут как ни в чем не бывало, спят, как святые, проповеди о добре произносят. По сравнению с ними я кто? Слепой котенок... С тех пор я ко злу причастия не имею.

Я г а ф а р. А к добру?

Я б а г а е в. И добра не делал. Опустел, как дом, в котором чума побывала. *(Показывая на грудь.)* Все здесь черным-черно. Пощади, Ягафар! Смилуйся! Дай волю духу моему!

Я г а ф а р. погоди! Дай с мыслями собраться...

Я б а г а е в. Не думай! Рассудок у тебя холодный... Ты у сердца спроси. Сердце страдавшего — милостливое сердце. Прости меня, Ягафар Муратшин! Прояви великодушие победившего! Позволь мне спокойно покинуть этот мир, когда наступит мой час. Заклинаю тебя слезами, что текут по белой бороде моей: помилуй! Судьба вознаградит тебя за это. Я теперь верю и в грех и в возмездие. Отпусти прегрешение мое, и завтра же я уйду отсюда *(глядя на лучи солнца)*, то есть сегодня... *(Становится на колени.)* Прости!

Я г а ф а р. Встань! Смотреть тошно.

Я б а г а е в *(быстро оглядывая себя)*. Наверно, так! Наверно, так!

Я г а ф а р. Встань, говорю!

Я б а г а е в *(медленно поднимаясь)*. Встаю! Встаю. Суставы, как немазанные, скрипят. Старость.

Я г а ф а р. А может, отвык?

Я б а г а е в. От чего?

Я г а ф а р. От коленопоклонения.

Я б а г а е в. Теперь не в моде оно.

Я г а ф а р. Вот что, Кадирия Ябагаев, я не русский поп, чтобы отпускать грехи твои. Ступай с богом!

Ябагаев (*испуганно*). Просто вот так? Как пришел, так и ушел?

Ягафар (*примирительно*). Обо мне больше не думай.

Ябагаев. Как же не думать. Ведь ничего не изменилось от нашей встречи.

Ягафар. Считай, что изменилось. И я постараюсь забыть тебя начисто.

Ябагаев. Значит, прощаешь? Милуешь?

Ягафар. Понимай, как тебе надобно. (*Отмахивается.*)

Ябагаев (*протянул руки вперед, порывается к нему, потом останавливается*). Понимаю, понимаю, именно так и понимаю, что прощаешь. Спасибо тебе! Вечное спасибо!

Ягафар (*не поднимая головы*). Прощай!

Ябагаев. Прощай, Ягафар! Теперь я сам своей несчастливой жизни хозяин. (*Пятится к двери, останавливается: обращается к Айгуль.*) Вот каков он, мир, дочка!

Айгуль. Весь мир, что ли? Весь, весь мир?

Ягафар. Грешат одни, а свалить вину хотят на весь мир!

Ябагаев останавливается у двери. К дому подходит Пиккион, просунув голову в окно, слышит конец разговора. Его не замечают.

Ябагаев. Мы больше не увидимся, Ягафар. Если ~~не~~ *станешь* гневиться, позволь спросить?

Ягафар. Спрашивай.

Ябагаев. В тысяча девятьсот тридцать седьмом году ты, как специалист сельского хозяйства, находился на высоком посту, на ответственном...

Ягафар. Дальше что?

Ябагаев. Был коммунистом!

Ягафар. Был коммунистом!

Ябагаев. За что обидели тебя, незаслуженно обидели? Почто притеснили? Был бы ты простым колхозником и не состоял бы в партии, гроза обошла бы тебя стороной.

Ягафар. Может, и обошла бы... Не пойму, куда ты клонишь?

Ябагаев. Когда ты вернулся обеленным, как мне известно, пригласили тебя на прежнее место работы, да ты не пошел. Это еще понять не трудно.

Ягафар. Врать не стану. Не пошел потому, что в обиде был. Вот сюда пасечником определился.

Я б а г а е в. А в партию вернулся и про обиду не вспомнил.

Я г а ф а р. Ты что-то путаешь, Ябагаев. (*Резко поднимается.*) Высокий пост и звание коммуниста — не одно и то же. Запомни: это вещи разные. Быть коммунистом для меня — высшая должность на земле. Все остальное приходит и уходит. Я вступил в партию... чтобы там... не было... таких... как ты!

Я б а г а е в. Теперь я вне рядов...

Я г а ф а р. Теперешний ты не в счет, я говорю о том, прежнем Ябагаеве...

Я б а г а е в. Понял. Спасибо тебе и прощай. (*К Айгуль.*) И ты прощай, барышня!

А й г у л ь. Прощайте! (*Про себя.*) Есть в этом старике что-то и хорошее и жалкое.

Ябагаев уходит.

П и к к и о (*за окном*). Простите, синьор Муратшин, против своей воли я услышал ваш разговор...

Я г а ф а р. Раз подслушивали, значит, услышали... У дня есть глаза, у ночи — уши...

П и к к и о. Вспомнили вы невеселое время, культ, личность, репрессия, донос...

Я г а ф а р. Так вы осведомлены, господин Пиккио?

П и к к и о. Мы живем на одной планете. О, если бы вы читали то, что писали раньше о России наши газеты, слушали бы то, что сообщало радио, волосы ваши встали бы дыбом. Мы верим всему наполовину, но все равно очень сильно жалели вас...

Я г а ф а р. Очень сильно?

П и к к и о. Да, синьор. Хорошо, что еще вы остались в живых.

Я г а ф а р (*иронически*). Благодарю, синьор.

П и к к и о. Мы, итальянцы, народ сентиментальный. Мы всегда всех жалеем.

Я г а ф а р (*встав перед Пиккио*). Вот что, синьор Пиккио, вы мой гость, да к тому же шурин. Ваше место в красном углу дома — пока вы мой гость. Прошу меня простить, я простой крестьянин, а не дипломат, лукавым тонкостям не обучен. Скажу вам не обиняком, а прямым: не суйте пальцы в наши старые раны. Ни праздное любопытство, ни показное сострадание пусть не выходят за рамки приличий. Все наше — это наше, синьор. И культ и личность, и горе и слава — все от мала до велика наше!

Вот так! Примите мое уверение в искреннем к вам почтении, а также извините за некоторую резкость... Идите ухаживать медвежью шкуркой и поспите. Еще рано.

Никкино. Я не хотел вас обидеть, Ягафар Муратович. Светлая мадонна свидетельница, я никак не предполагал, что огорчу вас. Прошу прощения, прошу прощения!

Ягафар. Забудем этот инцидент.

Никкино *(желая перевести разговор)*. Вчера во дворе висел маленький медвежонок. Вот такого! Забавный! Какими, как по арене. Он что?

Ягафар. Он не продается...

Никкино. Нет-нет! Вы неправильно поняли! Я не хочу его покупать!

Ягафар. И не даруется!

Никкино. Вы меня не поняли. Я, наверное, опять не так выразился своим языком...

Ягафар. Я понял вас. Этот медвежонок теперь член нашей семьи, а членов семьи мы не продаем и не дарим... Обычай есть обычай!

Гаснет свет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комп. перед утком. На одном из столбов, подпирающих навес, висит ружье Кадира с патронташем. Время близится к полудню. На сцене — Ябагаев и Ричард.

Ябагаев. На старости лет почувствовал желание научиться стрелять из ружья. Или пробудилась во мне страсть предков-охотников?

Ричард. Скоро начнем охотиться на уток. Приближенные люди дадут о себе знать.

Ябагаев. Выходит, так. Стыдно признаться, но в саду в руках ружья не держал.

Ричард. Было бы желание, Кадирян-агай. Я научу, выведишь премудрость! Да вот и ружье! *(Снимает ружье со столба вместе с патронташем.)* Это двустволка *(показывает болт)*, а в этом поясе — патроны к ней.

Ябагаев *(взав ружье, подержал, возвращает обратно)*. Ослабилось, увесистое оно.

Ричард. Смогу ли объяснить вам устройство ружья?

Ябагаев. Не к чему. Ты научи меня главному: как правильно обращаться, стрелять.

Р и ч а р д. Я обучу вас мигом. Открывается затвор. Вот таким образом. *(Показывает.)* Сюда вложите патрон. *(Удивленно.)* Тут, оказывается, в одном стволе уже есть патрон. Покуда вынем. Ружье держат вот так. *(Показывает.)* Прицеливаясь, надо стремиться к тому, чтобы мушка — вот эта штучка — как раз находилась в середине прорези прицела и на уровне его краев. Мушку подводите под центр мишени и плавно спускайте курок. Поняли?

Я б а г а е в. Нажать на курок?

Р и ч а р д. Плавно, не спеша... Если стреляете на дальнейе расстояние...

Я б а г а е в. На дальнейе, сынок, я уже опоздал стрелять... *(Берет патрон.)* Выходит, эта штука человека свалить в силе?

Р и ч а р д. И слона свалит.

Я б а г а е в. На! Повесь на место!

Р и ч а р д. Заряженным держать ружье не годится...

Я б а г а е в. Оставь, как было... Ты ведь не хозяин ружья...

Р и ч а р д *(вешая ружье)*. Не хозяин... Ладно, пусть висит, как висело. Охота начнется — я скажу вам, вместе пойдем...

Я б а г а е в. Непременно... Спасибо тебе! *(Хлопает его по спине.)* Ты добрый малый!

Р и ч а р д. Ой!

Я б а г а е в *(испуганно)*. Или ушиб?

Р и ч а р д. Ребро, что сломано было, еще болит...

Я б а г а е в. Извини, запомятовал я...

Из дома выходит А й г у л ь.

А й г у л ь. Ричард Галин! Где ты пропадал целых три дня, я соскучилась по тебе...

Ричард кидается к Айгуль. Ябагаев украдкой снимает ружье и уходит.

Р и ч а р д. Ты, наверно, шутишь?

А й г у л ь. Нет, правда, соскучилась. Почему ты не появляешься?

Р и ч а р д. Позавчера за мной приехали из больницы. Сегодня я совершил второй побег...

А й г у л ь. Тебе идет быть раненым, Ричард Галин. Ты достоин своих ран. Это случается не со всеми... Что ты так на меня смотришь?

Ричард. О, если бы ты посмотрела на себя моими глазами!

Айгуль. Что бы тогда произошло?

Ричард. Ты была бы от себя без ума...

Айгуль (смеется). Оставь свои глаза при себе. Это им больше устраивает.

Ричард (задумчиво, обняв сломанную руку). В больнице я плакал...

Айгуль. Отчего же?

Ричард. От одиночества и от мысли об одиночестве...

Айгуль (присев на бревно перед Ричардом). Знаешь, я прочла «Тетрадь Айгуль». От начала до конца... Нисколько раз.

Ричард. Очень смеялась?

Айгуль. Вначале показалось забавным такое отношение к моей персоне, а потом мне стало грустно и даже чуть страшно.

Ричард. Это правда?

Айгуль (квасит головой). Угу!

Если бы на свет родился заново,
Принял бы обличье ручья
И журчал бы от рассвета самого,
Носил бы твою целую, я,
Овладело сердцем нетерпение,
Писаю, наверно, каждый час
Утаскав сорок раз, не менее,
И восклицаясь сорок раз.

Ричард. На память помнишь?..

Айгуль. Да, Ричард Галин, я тебя запомнила наизусть. А что ты будешь делать с «Тетрадью Айгуль»?

Ричард. Носить в сумке, наверно...

Айгуль. Подари мне ее, Ричард. Я увезу ее в Италию. Страницы твоей тетради будут мне напоминать тебя, деревенку, это доброе дерево, горы, лес, все, что отражалось в моих глазах.

Ричард. Когда вы уезжаете?

Айгуль. Сегодня.

Ричард. Сегодня? Ты могла бы уехать, не простившись со мной?

Айгуль. Я бы разыскала тебя.

Ричард. Первая часть «Тетради Айгуль» на этом кончается. Выбери ее — она твоя. Одна к тебе просьба: когда выйдешь меня, то предай тетрадь огню. Я не хочу, чтобы она попала в чужбинны.

Айгуль. И пылинки на нее не упадет, если даже сама буду валяться в пыли.

Ричард. Шут с ней, с тетрадю, лишь бы с тобой ничего не случилось плохого.

Айгуль (*становится на колени перед Ричардом, как в первой картине*). С тех пор как мы встали на ноги, мы ходили по земле всегда рядом. Я за семнадцать лет обижала тебя много раз, ты терпеливо сносил все мои насмешки. За все, за все прошу у тебя сегодня прощения, Ричард. Перед разлукой хочется сказать тебе какие-то необыкновенные слова, такие, чтобы только их ты вспоминал, думая обо мне...

Ричард. Скажи одно только слово... Одно-единственное...

Айгуль. Если бы ты знал, как тяжело мне, как грустно и боязно. Во мне словно два сердца: в одном — надежда, а в другом отчаяние. Ах, Ричард, никогда мне не было так тревожно.

Ричард. Не уезжай, Айгуль! Что тебе там, на чужбине?

Айгуль. Там будет у меня мать. Мать — это целый мир. Я устала тосковать по ней.

Ричард. Я все равно когда-нибудь верну тебя домой. Все равно!

Айгуль. А пока простимся, мой терпеливый друг. Может, увидимся, а может, и нет... Увидимся или нет? Что ждешь нас — давай погадаем!

Ричард. Как?

Айгуль. Как в детстве — на камушках.

Ричард. Я не верю гаданиям... Но если хочешь, давай погадаем.

Айгуль. Если угадаешь, в какой руке камушек, — увидимся, не угадаешь — значит, не судьба. (*Обе руки держит за спиной. В одну прячет камушек, потом протягивает руки перед Ричардом.*) В какой руке?

Ричард (*нежно опуская свою ладонь на руки Айгуль*). В этой!

Айгуль (*разжимая кулачок*). Нет! Не угадал!

Ричард. Давай еще раз!

Айгуль. Давай! (*Все повторяет снова.*) В какой руке?

Ричард. В левой!

Айгуль (*открывая ладони*). Опять не угадал. Плохо наше дело.

Ричард. Давай до трех раз! Самое верное — это третий раз!

Айгуль (*грустно*). Ладно, пусть будет по-твоему. В какой руке?

Ричард (*серьезительно*). Пусть не дрожат твои руки. В левой!

Айгуль. Ах, Ричард, опять не угадал! Напрасно старался.

Ричард. А я не верю! Да, не верю гаданиям, колдовству, интуиству, приметам. Я верю только самому себе! Если ты даже улетитшь на другую планету — все равно найду. Слышишь, найду! Адрес твой в моем сердце: итальяно, Милано... Милано, итальяно. (*Чуть не плача, убоится в сторону гор.*)

Айгуль (*глядит на камень, который лежит на ее руке*). Камень-радуличник! Нелюбрый камень! Злой камень! (*Бросает его.*)

Залифа и Минлекай. Одеты они просто, но красиво.

Минлекай (*продолжая разговор, который женщиной шла в дороге*). Как только увижу эту Черную скалу, вы которой он обнимал меня, — душа замирает...

Залифа. Что было, то сплыло... Сколько о меде ни говори, сладко во рту не станет.

Минлекай. Сердце остается там, где счастливо было.

Залифа (*к Айгуль*). Здравствуй, доченька! Что это ты нас опустила? Обидел ли кто или заболела?

Айгуль. Нет, я здорова. Просто взгрустнулось перед отъездом. Мы ведь сегодня уезжаем.

Залифа. Далеко ли?

Айгуль. В Италию.

Минлекай. Надолго ли?

Айгуль. Насовсем.

Минлекай. Насовсем? А чего тебе там «насовсем» делать? Там же испугала. И куда смотрит этот олух с дерзанным видом!

Залифа (*к Минлекай*). Ты не очень-то расходишься. Нам же испуганка — терпение!

Минлекай (*Залифе*). После того как сверкнула молния, грехи ничего бояться. (*К Айгуль.*) Всю жизнь не боялись бороться за материнский подол. Куда пойдешь

там, с кем слово скажешь? Ихняя улица будет для тебя хуже леса дремучего. Думала ты об этом?

А й г у л ь. Нет!

М и н л е к а й. Тогда ступай подумай! А матери скажи, пусть выйдет к нам.

А й г у л ь (*про себя*). Какими они стали придирами. (*Уходит в дом.*)

З а л и ф а. Не походи на медведя, что дуги гнул.

М и н л е к а й. Лучше ты разговор зачини, а то я еще такое наговорю, что все дело испорчу.

Из дома выходит З у л ь х а б и р а.

З у л ь х а б и р а (*растерянно*). Спасибо, что зашли. Здравствуйте!

Женщины здороваются, склонив головы.

З а л и ф а. Здравствуй, Зульхабира!

М и н л е к а й. Как здоровье?

З у л ь х а б и р а. Благодарю. Все хорошо!

З а л и ф а. Слышали мы, что ты собираешься уезжать. Что так скоро? Погостила бы...

З у л ь х а б и р а. Пора...

З а л и ф а. Изо всех твоих бывших подруг явились мы сюда вроде посланниц.

З у л ь х а б и р а. Я знала, что вы придете проститься. Ведь не чужие, слава богу. Уеду со спокойной душой.

М и н л е к а й. Есть у нас к тебе слово одно, поладить бы нам на нем...

З у л ь х а б и р а. Понимаю. Посланницы предъявляют условие. Что ж, говорите...

З а л и ф а. Наше условие больше похоже на просьбу, на заклинание...

З у л ь х а б и р а (*улыбаясь*). А может, на ультиматум?

З а л и ф а. Зачем такие слова говорить? Молим тебя — не уезжай, останься, не покидай земли родной...

М и н л е к а й. Кто старое вспомнит — тому глаз вон. Ни от кого не услышишь упрека.

З а л и ф а. Все семеро подруг твоих просим — останься!

З у л ь х а б и р а. Хорошие вы мои, не властна я

сделать этого. Камень, сорвавшийся с вершины, не возвращается под облака. Нет у меня обратной дороги. Там у меня двое детей, муж, дом, тринадцать лет жизни.

Минлекай. Но ведь ты приехала, потянуло, значит, на вершину...

Зульхабира. Приехала. А что встретила? Вану встретила, вижу подозрительность, даже ненависть вижу...

Минлекай. Детей своих, итальянца своего пережил сына. Воин места и хлеба хватит. Тогда и неприязни будет много.

Зульхабира. Ставить мне такие условия — бесчестно. Я не облако, чтобы мотаться между небом и землей. Человек я. Не хотите по-людски проститься, уеду неприкаянной, проклятой вами, но уеду. Воля моя, и никто мне не указчик.

Залифа *(будто ничего не зная)*. А как же Айгуль?

Зульхабира. Дочь моя уезжает со мной.

Минлекай *(потеряв выдержку)*. Это мы еще посмотрим...

Зульхабира. Не смей. Ребенок мой, а не колхозный.

Залифа. Утенку-сироте матерью стала не та утка, которая снесла яйцо, а та курица, что высидела птенца. Не ты хозяйка над Айгуль, а Ягафар.

Зульхабира. Школьные уроки забыли: «человек сам себе хозяин».

Залифа. Изю всех уроков ты, видать, только это запомнила!

Во двор выходит Ягафар.

Ягафар. Здравствуйте, женщины! Пришли провожать гостей? Хорошо, очень хорошо.

Минлекай. И провожать, и не провожать.

Ягафар. Это как же? Сделай милость, растолкуй!

Минлекай. А ты, усатый лопух, глаза бы протер. Айгуль на край света увозят, а ты молчишь, аспид!

Ягафар. Не бушуй! Добродетель — лучшее украшение женщины. Девочка сама решила ехать.

Минлекай. Что она может решить? Ветры в ее волосы кружатся, как на той вон горе...

Из дома выходит Айгуль и слышит последние слова Минлекай.

З у л ь х а б и р а. Никто не имеет права разлучать ребенка с матерью! Нет ни у кого таких прав, таких законов.

З а л и ф а *(положив руку на грудь)*. Наш закон здесь!

З у л ь х а б и р а. То не закон, а узаконенная привычка совать нос куда не просят...

А й г у л ь. Прекратите этот спор. Я решаю сама. Да, сама!

М и н л е к а й. И что же ты решила, глупенькая?

А й г у л ь. Я решила не разлучаться с мамой.

З а л и ф а *(подойдя к Айгуль)*. Опомнись! Что будет там с тобой? Кем станешь ты!

А й г у л ь. Буду Айгуль. Человек может оставаться самим собой, где бы он ни жил. Вы не сердитесь, тетя Залифа! Давайте попрощаемся по-хорошему, как подобает близким людям.

М и н л е к а й. Мы тебя не отпустим, Айгуль. Все семеро выйдем на дорогу и ляжем перед автомобилем твоей матери. Хватит нам ее горя. Ты думаешь, мать твоя счастлива? Без родины не бывает счастья! Сама потом будешь нас благодарить. Пошли, Залифа!

Плача, всхлипывая, женщины уходят.

З у л ь х а б и р а. Ну и нравы! Это же дикость — вмешиваться в чужую жизнь! Какая бестактность! Боже, как для меня теперь чужды их поступки и понятия! Я ведь не лезу в их личную жизнь. Не упрекаю за детей, что родились бог весть от кого...

Я г а ф а р. Зульхабира, любезная сестра моя, они не без греха, но душой я на их стороне... *(Идет, смахивая слезу.)*

А й г у л ь *(кидается к нему, повисает на его руке)*. Дядюшка, милый дядюшка! Не сердись на меня. Я хочу, чтоб у меня была мама... *(Уходит вместе с Ягафаром.)*

З у л ь х а б и р а *(долго стоит в раздумье)*. Уехать! Немедленно уехать! Каждый прав по-своему! Каждый прав, и никто не виноват. Но почему я должна уехать обиженной и оскорбленной? Даже брат мой, единственный брат, оправдывает коллективное вторжение в мою судьбу, в судьбу моей дочери. Нравственно ли это? Уехать! Скорей уехать!

С двумя чемоданами входит П и к к и о.

П и к к и о. Значит, ариведерчи, Кусэрбай! Привет, Милано! Синьор Ягафар сказал, что скоро приедет авто. Надо выносить вещи.

З у л ь х а б и р а. Да-да! Пора уезжать!

П и к к и о. Ты опять переволновалась, моя мадонна! В дороге я тебя утешу, распевая неаполитанские песни. *(Поет без слов.)*

З у л ь х а б и р а. Ах, Карло, наивный ты человек. Песней можно развеять грусть, но душевных ран не затянешь.

П и к к и о. Даже самая черная туча развеется к сроку, моя богиня. От грустного до веселого — один шаг. Вместо одного сокровища Карло Пиккио увозит целых два! Ай да Пиккио, молодец мужчина!

Звучит Айгуль с узелком в руках. Опускает свой узелок на землю на соседству с чеширшаки. Стоит, опустив голову.

З у л ь х а б и р а. Умоляю тебя, Карло, не афишируй свою радость! Радуйся про себя, или ты не видишь, что у всех остальных настроение, как на похоронах?

П и к к и о. Понимаю, понимаю. Если слеп твой сосед, то и сам зажмурь один глаз.

З у л ь х а б и р а. Именно так!

П и к к и о. Пожоряюсь! Твоя воля для меня закон! Не знаю я думать, что Айгуль красотой своей пленит весь Милано, я не могу прищурить ни одного глаза. *(Пробует прищурить то левый, то правый глаз.)* Нет, не получается. Айгуль, бесценное существо! Такого сокровища не имел даже Кай Юлий Цезарь. Прелесть ее дороже, чем миллион, чем десять миллионов, чем сто миллионов.

З у л ь х а б и р а. О господи, что ты говоришь, Карло? Что за привычка на все ставить цену? Даже на человека, даже на ребенка?

П и к к и о. Ты не права, мой ангел, ведь в Стране Советов тоже считают, что самый ценный капитал — человек. Ах, сколько голов закружится, когда Айгуль придет в Милано. Италияцы умеют ценить женскую красоту.

А й г у л ь *(возмущенно)*. Вы что, синьор Пиккио, хотите увести меня в Италию и там продать? Мама, что этот человек придумал?

Зульхабира и Пиккио смущены и растеряны.

П и к к и о. Продать? Боже спаси! Италия не дикая страна, синьорита. Вы прекрасны, как лунный цветок, и, добываясь вашей руки, падут перед вами на колени сыновья миллионеров. Вы будете повелевать ими, и за вами всегда будет последнее слово!

З у л ь х а б и р а. Довольно, Карло. Умерь свою фантазию!

П и к к и о. Гуси спасли Рим, а Елена Прекрасная погубила Троию. Вы, синьорита, станете самой богатой и знатной женщиной в Милано, а может, даже во всей Италии. Об этом мы позаботимся с вашей мамой. Или вас не устраивает такая перспектива?

А й г у л ь. Не устраивает, синьор Пиккио. Нет!

З у л ь х а б и р а. Не слушай его, Айгуль. Он помешался на призрачных миллионах.

А й г у л ь. Я не знаю, кто на чем помешался, но мне страшно. Я боюсь! Ой, как боюсь чего-то!

П и к к и о. Что за странные люди! Делают подарок, а сами подарка не берут. Бедны, а боятся обрести золото.

З у л ь х а б и р а. Карло!

А й г у л ь. Неправда! Мы не бедны! В этом узелке больше богатства, чем в ваших чемоданах. *(Берет свой узелок, кладет его на пороге дома.)*

З у л ь х а б и р а. Успокойся, доченька! Все, что говорит Карло,— сплошная ерунда. Он привык строить воздушные замки.

А й г у л ь. Нет, синьор Пиккио говорит то, что думает. Он не лжет.

П и к к и о. Карло Пиккио никогда не лжет.

А й г у л ь. Что меня ждет, мама? Что же будет со мной?

З у л ь х а б и р а. Будет, что суждено. Ты не бойся, ничего худого не случится...

Держа в руках завернутую медвежью шкуру и лук со стрелами, выходит из дома Я г а ф а р.

А й г у л ь. Нет-нет! Я не слепой медвежонок, чтобы могли увести меня в мешке для чьей-то забавы. Синьор Пиккио открыл мне глаза. Я благодарна ему. Никуда я не поеду, никуда!

З у л ь х а б и р а. О боже! Какая нелепость! Дитя мое, доченька, не убивай надежду мою!

Айгуль. Прости, мамочка! Оказалось, я обманула и тебя и себя...

Зульхабира. Чуяло мое сердце! *(Трет ладонью грудь.)* Сомнения все время не покидали душу мою. Когда-нибудь он задушит меня — этот комок. *(К Айгуль.)* Уговаривать тебя нет у меня права, умолять тебя — больше нет сил. Видать, такова моя проклятая доля. *(Садится на чемодан и, закрыв лицо руками, плачет.)*

Айгуль, подойдя к ней, ласкает ее.

Пиккио. Поднялся ветер — ставь паруса...

Со стороны Черной скалы раздается выстрел. Все вздрагивают.

Ягафар. Кто-то опять стрелял.

Пиккио *(с криком)*. Торжественный салют в честь нашего отъезда. Караван выходит в путь.

Входит Ричард. В руках его ружье.

Ричард. Беда! Страшная беда! Кадириан Ябагаев!

Ягафар. Что?!

Ричард. На вершине Черной скалы выстрелил себе в сердце.

Ягафар. А что же ты смотрел?

Ричард. Я увидел, когда выстрел уже раздался.

Айгуль. Бедный старик. Я не успела сказать ему ни одного доброго слова.

Ягафар. Чье ружье?

Ричард. Того, кто медведицу убил. За три недели две смерти вырвались из этих стволов. Будь проклято ружье и хозяин его. *(Отбрасывает ружье.)*

Зульхабира *(сидя на чемодане)*. Старик нашел ответ на все, что мучило его. Поставил точку. У покойников нет пороков, у правды нет вины... Уехать, уехать... Тихо, безгласно, свернувшись в клубок... Как ни уезжай — от судьбы не уедешь. Один конец клубка останется здесь. Доченька! Ой! Нету мочи!

Раздается автомобильный гудок. Сигнал повторяется.

Пиккио. За нами.

Зульхабира. Да, пора! *(Встает, оглядывается назад.)* Моего, больше и не увидимся! Прощайте! Не забывайте духом! За все заплачено кровью, мукой, сле-

зами, сполна заплачено, сполна! Каяться не в чем! Жизнь такова. Если виновата, то не только я, но и война виновата. Прощайте.

Мужчины выносят вещи. Айгуль обнимает мать. Медленно и печально все покидают двор. Появляется *Посторонний человек*.

Посторонний человек. Мертвые сраму не имуть и никуда не спешат. Кадириян Ябагаев подождет. Его еще примет земля, а путников зовет дорога. Через близкое познается далекое, через тьму познается свет. Все чего-то ищут, одни находят, другие теряют. А бывает и так, что, находя, теряют, а теряя, находят... Находят себя! Да-да, себя! Это поценней, чем найти клад! Айгуль искала свою мать. Нашла ее и снова потеряла. Чем обернется эта потеря — счастьем или бедой? Не знаю, не ведаю, но хочу верить, что печаль обернется радостью. Я не участвовал в событиях. Никого не заставлял плакать, никого не утешал. Не в моей это власти. Ветры дуют не так, как хотят корабли. Я посторонний человек. Вы спросите, зачем же я вышел сейчас. Просто так. Хотел напомнить вам, что я жив и здоров. Прощайте! Я иду дальше. *(Исчезает.)*

Оглядываясь, вбегает *Айгуль*. За ней — *Ричард*.

Айгуль (обернувшись). Мама, милая мама, я буду смотреть тебе вслед с вершины горы. Оттуда видно далеко-далеко. Ты оглянешься и тоже увидишь меня, потому что я буду стоять под облаками. *(Пробегает по сцене.)*

Свет гаснет и тут же вспыхивает. Вершина горы, как в прологе.
Айгуль и Ричард.

Айгуль (махает рукой). Прощай, мама! Ужели ты уезжаешь навсегда? Прощай! За эти дни я словно повзрослела на несколько лет. Мне грустно, что ты уезжаешь. Мне так жалко тебя, мамочка! Милая, славная, бедная! Как вынесешь ты все? Найди в себе силы...

Ричард. Доехали до Ташмуруна.

Айгуль. Ах, если бы край земли находился в этом Ташмуруне. Ринулась бы с горы, побежала и бросилась на шею матери... Вот проехали и Ташмурун, исчезли, растаяли в дымке. Прощай, мама! Прощай, моя самая хорошая на свете! Не плачь обо мне, моя любимая! *(Плачет.)*

Р и ч а р д. Ты плачешь?

А й г у л ь. Плачу! А как же не плакать?

Р и ч а р д. Нет порядка на этой земле.

А й г у л ь. Надо, чтобы он был. Должен быть...

Р и ч а р д. Не плачь!

А й г у л ь. Не могу! Я плачу за все сразу. Но знаешь, Ричард, сквозь слезы я вижу радугу. Она золотым мостом повисла с горизонта на горизонт. Давай пойдем по этому мосту. Поднимемся высоко-высоко. И будем идти, веря и надеясь... Так пойдем, Ричард Галин. Так пойдем, чтобы никогда не пришлось возвращаться и просить прощения у прошлого. Никогда!

Гаснет свет.

Занавес